Булгаков С. Н.

Что такое трудовая ценность

Оттиск из VI «Сборника
Правоведения и Обществ. Знаний
Москва. 1896.

„Труд 38“

ЧТО ТАКОЕ ТРУДОВАЯ ЦѢННОСТЬ.

(Prof. Dr. *Werner Sombart.* Zur Kritik des okonomischen Systems von Karl Marx. Arch. f. soc. Gesetzg. und Stat., VII B. 1894, IV) [1]).

На долю рѣдкаго научнаго произведенія выпадаютъ столь разнорѣчивыя сужденія научной критики, какія встрѣтилъ недавно вышедшій III томъ *Капитала* Маркса. На-ряду съ хвалебными отзывами (какова, напр., замѣтка Шмидта въ Socialpolitisches Centralblatt), по которымъ въ III томѣ Марксъ блистательно завершилъ свою систему, встрѣчаются и такіе (какъ Лоріа въ Nuova Antologia), которые объявляютъ этотъ томъ крахомъ всей научной системы *Капитала* [2]). Совершенно особое мѣсто въ критической литературѣ о III томѣ занимаетъ статья проф. Зомбарта, представляющая, по нашему мнѣнію, самое замѣчательное и, безъ сомнѣнія, самое оригинальное изъ всего, что пока написано объ этомъ предметѣ. Зомбартъ дѣлаетъ попытку дать совершенно новое истолкованіе понятію цѣнности и прибавочной цѣнности Маркса и этимъ истолкованіемъ уничтожить ту несогласованность, которая представляется на первый взглядъ между соотвѣтствующими ученіями I-го и III-го томовъ *Капитала.* Изложенію и критикѣ этой интересной попытки и посвящена настоящая статья.

---

[1]) Докладъ, читанный въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 9-го октября 1895 года.

[2]) „Ed invero dobbiam dirla la giusta e cruda parole: anzichè una soluzione si troviamo di fronte una mistificatione“ (Nuova Antologia, отъ 15-го февр. 1895 г. Статья Лоріа *Opera posthuma di C. Marx*, p. 477) „Quando mai si ebbe una riduzione all'assurdo così piena, un fallimento teorico più completo? Quando mai—io lo domando—suicidio scientifico fu con maggior pompa e con più grande solennità consumato?“ (l. c. p. 471). Несмотря на очень рѣзкій тонъ, въ статьѣ Лоріа сдѣланы нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія.

I.

Читатели III-го тома *Капитала* знаютъ, какъ разрѣшенъ тамъ знаменитый вопросъ о равенствѣ прибыли. Сущность этого рѣшенія (до подробностей намъ пока нѣтъ дѣла) сводится къ тому, что товары вымѣниваются не по трудовой стоимости, а по особому масштабу, цѣнамъ производства (Productionspreis). Это рѣшеніе вызоветъ, по словамъ Зомбарта, въ большинствѣ читателей то же, что вызывали когда-то отвѣты кандидата Jobses'a предъ лицомъ высокой экзаменаціонной коммиссіи: общее покачиванье головой. Одни, видѣвшіе уже въ ученіи о цѣнности I-го тома замаскированную теорію издержекъ производства, найдутъ въ III томѣ лишь подтвержденіе своихъ воззрѣній. Другіе не признаютъ теперешняго рѣшенія „загадки Сфинкса" за рѣшеніе: узелъ разрубленъ, но не развязанъ. Но есть и такіе, которые въ ученіи III тома увидятъ нѣчто само собой понятное: для нихъ никогда и не существовала загадка, столь занимавшая большинство послѣдователей трудовой теоріи. Откуда же такое различіе мнѣній? Оно коренится, по мнѣнію Зомбарта, въ различномъ толкованіи понятія цѣнности и прибавочной цѣнности у Маркса. Въ неясности, существующей относительно этихъ понятій до сихъ поръ, лежитъ и причина пресловутой „загадочности". Поэтому мы можемъ пріобрѣсти надлежащую точку зрѣнія на ученіе III тома, лишь отвѣтивъ на основной вопросъ: „какое значеніе имѣетъ цѣнность (Werth) въ экономической системѣ Маркса?" (573).

Чтобы соблюсти точность въ передачѣ абстрактнаго и не всегда яснаго изложенія Зомбарта, постараемся передать его мысли возможно ближе къ подлиннику. Сначала Зомбартъ характеризуетъ цѣнность слѣдующими, чисто отрицательными чертами: „цѣнность не проявляется въ мѣновомъ отношеніи (Austauschverhältniss) капиталистически производимыхъ товаровъ. Она не есть также пунктъ, около котораго колеблются рыночныя цѣны, или центръ, къ которому онѣ тяготѣютъ: цѣнностямъ не соотвѣтствуютъ даже и *среднія цѣны*" (573). Далѣе: „цѣнность не существуетъ (lebt nicht) и въ сознаніи капиталистическихъ производителей: она не руководитъ даже разсчетомъ (Calcül) капиталиста. Еще незначительнѣе ея роль, какъ фактора распредѣленія въ раздѣлѣ общественнаго годового продукта. Она вовсе не составляетъ факта сознанія (Bewusstseinsthatsache) продавцевъ и покупателей товаровъ. Словомъ, она не

составляетъ „условія хозяйственной дѣятельности“ (по удачному выраженію Герлаха)“ (ib.). Если такъ, то гдѣ же существуетъ цѣнность и что̀ она такое? Она существуетъ въ мышленіи (Denken) теоретика-экономиста, она есть „не эмпирическій, но мыслительный (gedankliche) фактъ“ (574). Точнѣе, „понятіе цѣнности есть вспомогательное средство нашего мышленія, которымъ мы пользуемся, чтобы сдѣлать себѣ понятными феномены хозяйственной жизни, это фактъ логическій“ (ib.) [1]).

„Благодаря представленію о цѣнности (Werthvorstellung) становится возможнымъ, что товары, различные качественно, какъ предметы потребленія, являются для насъ опредѣленными количественно. Этотъ постулатъ я выполняю, принимая сыръ, мыло, ваксу исключительно продуктами (Nur-Producte) абстрактнаго человѣческаго труда и сравнивая ихъ только съ количественной стороны“, т.-е. какъ воплощенія труда, измѣряемаго рабочимъ временемъ.

Но въ то же время мѣновой законъ играетъ роль естественнаго закона, находящаго объективное осуществленіе въ обмѣнѣ товаровъ, какъ это признаетъ и Зомбартъ. Отсюда возникаетъ вопросъ: не стоитъ ли въ противорѣчіи опредѣленіе цѣнности, какъ логической категоріи, съ пониманіемъ мѣнового закона, какъ естественнаго закона, который господствуетъ (beherrscht) надъ движеніемъ цѣнъ? Дальнѣйшій анализъ понятія цѣнности обнаруживаетъ, что такого противорѣчія не существуетъ. Дѣло въ слѣдующемъ. Дѣлая товары количественно соизмѣримыми, какой признакъ полагаемъ мы въ основу этой соизмѣримости? Не общее ли товарамъ, какъ физическимъ тѣламъ, свойство тяжести? Нѣтъ, мы кладемъ въ основу этой соизмѣримости тотъ признакъ, что блага эти суть продукты человѣческаго труда. „Далеко не безразлично, что въ наше представленіе о цѣнности мы влагаемъ именно это содержаніе; вѣдь тѣмъ самымъ мы констатируемъ, что мы разсматриваемъ товары, какъ продукты общественнаго труда, а это составляетъ ихъ самый выдающійся экономическій объективный признакъ (die ökonomisch objectiv relevanteste Thatsache in ihnen).

Хозяйственное бытіе (Dasein) человѣка, его матеріальная культура обусловлена тѣмъ количествомъ хозяйственныхъ благъ, которыми онъ можетъ располагать въ данный періодъ времени, а это количество въ свою очередь (при равныхъ прочихъ обстоя-

[1]) Зомбартъ оговаривается здѣсь, что терминъ *логическій* употребленъ имъ для краткости, хотя онъ хорошо сознаетъ множественность значеній этого термина въ философскомъ языкѣ.

тельствахъ и при равныхъ естественныхъ условіяхъ производства) зависитъ отъ производительной силы общественнаго труда. Эта сила составляетъ сама по себѣ лишь *техническій* фактъ и опредѣлима качественно и количественно: она обнаруживается въ томъ, что опредѣленнаго вида конкретный, индивидуальный трудъ можетъ въ данное время произвести извѣстное количество качественно опредѣленныхъ благъ", (напр. сапожникъ въ день можетъ изготовить двѣ пары сапоговъ, портной одинъ сюртукъ и т. п.) „Посредствомъ же представленія о цѣнности я погашаю качественное различіе въ производительномъ трудѣ. Мысля товары только, какъ воплощеніе безразличнаго, абстрактнаго общественнаго труда, я тѣмъ самымъ техническому понятію производительности труда придаю (kleide) адэкватную экономическую форму и этимъ дѣлаю его доступнымъ *экономическому* мышленію". Съ этой точки зрѣнія сапоги, сюртукъ и т. п. перестаютъ быть продуктами опредѣленнаго труда портного, сапожника, а являются представителями абстрактнаго труда, лишеннаго всякаго качества и сведеннаго къ простой затратѣ нервной и мускульной силы. *„Понятіе цѣнности у Маркса въ матеріальномъ смыслѣ* (in materieller Bestimmtheit) *есть ничто иное, какъ экономическое выраженіе производительной силы общественнаго труда какъ основы хозяйственнаго бытія"* (576).

Если таково понятіе цѣнности, то въ чемъ же состоитъ мѣновой законъ? Формальное опредѣленіе послѣдняго таково: цѣнность управляетъ въ послѣдней инстанціи всѣми хозяйственными явленіями (Vorgänge). Подставляя въ это формальное опредѣленіе данное уже опредѣленіе цѣнности въ матеріальномъ смыслѣ, находимъ: *„цѣнность есть специфическая историческая форма, въ которой выражается* (sich bestimmend durchsetzt) *производительная сила общественнаго труда, управляющая въ послѣдней инстанціи всѣми хозяйственными явленіями"* (577). Тогда только и можно правильно понять систему Маркса,—добавляетъ Зомбартъ,—если помнить, что „въ центрѣ ея стоитъ понятіе производительности труда, находящее свое экономическое выраженіе въ понятіи цѣнности".

Такимъ образомъ, въ найденномъ опредѣленіи примиряется противорѣчіе между первоначальнымъ (формальнымъ) и послѣдующимъ (матеріальнымъ) опредѣленіемъ цѣнности. Понятіе цѣнности прежде всего есть вспомогательное средство нашего мышленія. Но такъ какъ содержаніемъ этого понятія берется первостепенной важности объективный фактъ—производительная сила общественнаго труда, „мѣновой законъ становится закономъ,

фактически господствующимъ въ народномъ хозяйствѣ, или, точнѣе, ея регулирующимъ принципомъ". Значеніе теоріи цѣнности Маркса нужно искать такимъ образомъ въ томъ, что она нашла для техническаго факта производительности труда адэкватное экономическое выраженіе.

Истолковавъ такъ законъ цѣнности, мы безъ труда можемъ понять и сущность прибавочной стоимости. Для этого необходимо стать на общественно хозяйственную точку зрѣнія и исходнымъ пунктомъ взять общественное рабочее время. Оно выражается въ опредѣленномъ количествѣ продуктовъ, представляющемъ извѣстную цѣнность. „Прибавочная цѣнность въ формальномъ смыслѣ есть цѣнность того количества продуктовъ, которое составляетъ излишекъ сверхъ опредѣленнаго какимъ-либо образомъ количества ихъ: овеществленіе общественнаго прибавочнаго труда". Въ этомъ смыслѣ прибавочная цѣнность мыслима при всякой общественной организаціи. Особенность капиталистической организаціи состоитъ въ томъ, что опредѣленное количество труда освояется капиталомъ. Эта освоенная капиталомъ сумма общественнаго труда и есть прибавочная цѣнность въ капиталистическомъ смыслѣ. Опредѣлима-ли количественно эта сумма? Да, опредѣлима: это весь излишекъ труда сверхъ того, который необходимъ для содержанія и воспроизводства рабочей силы. Но какъ точнѣе опредѣлить это количество „*необходимаго*" труда? Для этого нужно опредѣлить понятіе производительнаго работника и его плату [1]).

Итакъ, какой же трудъ производителенъ? Трудъ тѣхъ, кто создаетъ цѣнность, т. е. кто производитъ потребительныя стоимости въ количествѣ, необходимомъ для существованія общества въ данный моментъ, независимо отъ исторической формы (напр. капиталистической) его организаціи. Всѣ лица, занятыя собственно въ процессѣ труда, отъ руководителя предпріятія до послѣдняго рабочаго, лица, занятыя сбереженіемъ, транспортировкой и т. п., составляютъ производительныхъ работниковъ, создающихъ цѣнность. Лица же, существованіе которыхъ обусловлено историческимъ характеромъ производства, какъ напр. агенты обращенія, рантье, капиталисты, государственные функціонеры (врачи, чиновники и т. п.), составляютъ классъ непроизводительный.

Теперь возвратимся къ исходному пункту разсужденія: мы

[1]) Зомбартъ дѣлаетъ здѣсь отступленіе въ сторону вопроса о „желѣзномъ" законѣ заработной платы и о производительности нефизическаго труда. Мы не послѣдуемъ за нимъ, чтобы не потерять основной нити разсужденія.

вышли изъ проблематическаго отношенія теоріи цѣнности и прибавочной стоимости къ теоріи издержекъ производства и прибыли и сказали, что отношеніе это теряетъ свой „загадочный" характеръ при правильномъ пониманіи ученія Маркса о цѣнности и прибавочной стоимости. Эта „загадочность", по мнѣнію Зомбарта, устранена предшествующими разсужденіями. Именно, выяснилось прежде всего, что съ *формальной* стороны издержки производства не имѣютъ ничего общаго съ цѣнностью, какъ прибыль съ прибавочной стоимостью. Въ понятіяхъ цѣнности и прибавочной стоимости констатируются и становятся доступны нашему мышленію *общественные* факты; издержки же производства и прибыль суть эмпирическіе факты *индивидуальной, частной* промышленной жизни. „Это суть отношенія разсчета („Kalculationsverhältnisse) конкретныхъ агентовъ производства" (581).

Замѣтимъ, что въ выраженіи *издержки производства* Зомбартъ объединяетъ два совершенно различныхъ понятія: во 1-хъ, опредѣленіе стоимости по затратамъ капитала на производство, причемъ прибыль является пропорціонально этимъ затратамъ наградой капиталиста за воздержаніе; такова эта теорія въ рукахъ Милля, Кэрнса и др. Все дѣло, значитъ, сводится здѣсь, дѣйствительно, къ „отношеніямъ разсчета" агентовъ производства. Эта точка зрѣнія индивидуальная и субъективная.

Во 2-хъ, сюда же относитъ Зомбартъ и опредѣленіе цѣнности по затратѣ общественно-необходимаго труда на производство товара, по *издержкамъ* труда на производство. Такова, въ нашихъ глазахъ, теорія цѣнности Рикардо и Маркса. Здѣсь въ основу цѣнности кладется объективный принципъ общественнаго характера, почему и точка зрѣнія эта является объективной и общественной.

Такимъ образомъ. Зомбартъ отрицаетъ не только связь цѣнности съ *издержками производства* въ обычномъ значеніи этого термина, но и связь ея съ затратой общественно-необходимаго труда на производство каждаго отдѣльнаго товара, издержками общественно-необходимаго рабочаго времени. Здѣсь мы отмѣчаемъ это лишь по связи изложенія, подробнѣе же этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ въ дальнѣйшемъ.

Само собой ясно, продолжаетъ Зомбартъ, что прибыль каждаго отдѣльнаго капиталиста не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ производимой имъ прибавочной стоимости. Подобное воззрѣніе было бы просто абсурдомъ. Зомбартъ идетъ такъ далеко въ отрицаніи формальной связи между прибылью и прибавочной стоимостью, что го

воритъ: „гипотеза, которую, повидимому, Марксъ дѣлаетъ въ X гл. III тома (гипотеза, по которой различныя нормы прибыли выравниваются въ среднюю посредствомъ конкуренціи; въ этой гипотезѣ и заключается рѣшеніе „загадки"!) не только излишня, безполезна для экономической системы Маркса, наоборотъ, ея отсутствіе составило бы украшающій недостатокъ (Schönheitsfehler) системы. Чтобы достигнуть средней нормы прибыли, теоретически нужно, конечно, принять за исходный пунктъ различныя прибыли отдѣльныхъ капиталовъ, но не эмпирически. Выравниванье различныхъ нормъ прибыли капиталовъ различнаго органическаго состава [1]) въ среднюю норму есть мыслительная операція (Denkoperation), но не фактъ дѣйствительной жизни" (586). Тѣмъ не менѣе теорія цѣнности и прибавочной стоимости имѣетъ не декоративный только характеръ. Она служитъ двойную службу: 1) она есть необходимый реквизитъ, чтобы сдѣлать доступными нашему уму хозяйственныя явленія; 2) она регулируетъ и опредѣляетъ факты хозяйственной жизни, черезъ нее Марксъ вводитъ закономѣрность въ эту послѣднюю. Поэтому въ матеріальномъ смыслѣ существуетъ весьма значительная зависимость между цѣнами производства и цѣнностями, прибылью и прибавочной стоимостью. Цѣны въ послѣдней инстанціи регулируются общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ; прибыли также регулируются отношеніемъ прибавочнаго времени къ необходимому· совокупная прибыль равна совокупной прибавочной стоимости. Воспроизводить эту зависимость не входитъ въ планъ статьи Зомбарта, ибо, какъ говоритъ онъ, для этого нужно повторить содержаніе *Капитала*.

Въ дальнѣйшемъ Зомбартъ выражаетъ сомнѣнія, которыя возбуждаютъ въ немъ нѣкоторыя мѣста III тома, плохо согласуемыя съ развитой точкой зрѣнія, но на нихъ, по связи изложенія, мы остановимся лишь во второй половинѣ этой статьи.

Мы передали почти въ дословномъ переводѣ разсужденія Зомбарта, и не наша вина, если въ нихъ представляются неясности и скачки. Обратимся къ критикѣ ихъ.

[1]) Органическимъ составомъ капитала называется пропорція, въ которой капиталъ составляется изъ орудій и матеріаловъ труда (*постоянная* часть) и заработной платы (*перемѣнная* часть)

II.

Концепція Зомбарта характеризуется столько же отрицательными, сколько и положительными чертами, и отрицательная характеристика, пожалуй, даже болѣе существенна, нежели положительная. По мнѣнію Зомбарта (нигдѣ, правда, прямо не высказанному, но красной нитью проходящему черезъ всю его аргументацію), *мѣновой законъ*—вопреки обычному его пониманію—*не есть правило обмѣна товаровъ, а нѣчто совсѣмъ иное.* Если поколебать это предположеніе, то сами собой падаютъ и его собственныя построенія. Въ дальнѣйшемъ мы и попытаемся идти именно этимъ путемъ: мы ставимъ себѣ задачей показать, что съ точки зрѣнія Маркса немыслимо иное пониманіе мѣнового закона, какъ правила обмѣна, и, слѣдовательно, построеніе Зомбарта ошибочно въ самомъ корнѣ. Чтобы яснѣе показать несоотвѣтствіе толкованія Зомбарта съ ученіемъ о цѣнности Маркса, намъ придется напомнить нѣкоторыя черты этого ученія, и мы заранѣе извиняемся передъ читателемъ, если намъ придется повторять общеизвѣстную теорію [1]).

Богатство капиталистическаго общества представляется въ видѣ массы товаровъ. Товаръ, прежде всего, есть предметъ внѣшняго міра, способный удовлетворять нашимъ потребностямъ, или потребительная цѣнность. При господствѣ товарнаго производства предметы, нужные для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, изготовляются отдѣльными, независимыми производителями и, какъ правило, изготовляются не для собственнаго потребленія, но для потребленія другихъ лицъ, иными словами, имѣютъ не индивидуальное, а общественное назначеніе. Въ томъ фактѣ, что каждый производитель изготовляетъ продукты только даннаго вида, проявляется общественное раздѣленіе труда; въ томъ фактѣ, что продукты эти изготовляются для сбыта и общественная потребность удовлетворяется усиліями индивидуальныхъ производителей, сказывается особенность исторической эпохи—капиталистическаго (или вообще товарнаго) производства. Разъ предметы общественнаго потребленія изготовлены въ нужномъ количествѣ, чтобы выполнить свое назначеніе, т.-е. попасть въ сферу потребленія, имъ необходимо совершить извѣстную метаморфозу—быть вымѣненными другъ на друга. Лишь такимъ путемъ каж-

[1]) Считаемъ нужнымъ поставить особо на видъ, что мы не имѣемъ цѣлью дать *догматическое* изложеніе теоріи Маркса, но излагаемъ ее лишь настолько, насколько это нужно для нашей цѣли

дый отдѣльный производитель отдаетъ продукты своего труда, ненужные для собственнаго потребленія, но нужные для потребленія другихъ, и, наоборотъ, получаетъ продукты, ненужные для другихъ, но нужные для себя. Путемъ такого обмѣна совершается удовлетвореніе общественныхъ потребностей при товарномъ производствѣ, и онъ есть альфа и омега удовлетворенія потребностей общества товаропроизводителей.

Итакъ, производители мѣняются своими товарами: сапоги вымѣниваются на пудру, книги на хлѣбъ, шелкъ на сахаръ и т. д. Въ пестрой вереницѣ обмѣниваемыхъ товаровъ нѣтъ ничего общаго, кромѣ, пожалуй, того, что всѣ они суть полезные, т.-е. способные удовлетворять человѣческимъ потребностямъ предметы. На этой струнѣ и разъигрываетъ свои мелодіи такъ наз. австрійская школа (Grenznutzler'овъ, по выраженію Зомбарта). Однако, если не углубляться въ дебри психологіи и объективной закономѣрности обмѣновъ не опирать на случайное настроеніе мѣняющихся субъектовъ, нужно искать *объективнаго* [1]) принципа, регулирующаго эти обмѣны. Нужно признать въ товарахъ какую-нибудь объективно-существующую общую сущность. Такой сущностью является человѣческій трудъ. „Какъ цѣнности, всѣ товары суть лишь опредѣленныя количества застывшаго въ нихъ труда“ (Das Kapital, B. I, 3-te Ausg. По этому изданію сдѣланы и всѣ послѣдующія цитаты). „Какъ кристаллы этой общей имъ субстанціи, товары суть цѣнности“ (ib.). Но и человѣческій трудъ не такъ-то легко взять за общій всѣмъ товарамъ признакъ, за общую имъ субстанцію. Что, въ самомъ дѣлѣ, общаго между трудомъ инженера и кочегара, наборщика и рудокопа? А. Смитъ свернулъ въ сторону съ правильнаго пути предъ этой трудностью и началъ опредѣлять трудъ, какъ сумму тягостей и непріятностей, принимаемыхъ ради полученія продукта. Этимъ онъ широко распахнулъ двери субъективистамъ—Grenznutzler'амъ. Рикардо и Родбертусъ прошли мимо опаснаго мѣста, не замѣтивъ его Вопросъ былъ сознательно поставленъ и разрѣшенъ только Марксомъ. Во всякомъ человѣческомъ трудѣ, какого бы вида онъ ни былъ, есть общее свойство: его физіологическая сущность; всякій трудъ сводится къ тратѣ нервной и мускульной силы. Это и составляетъ общую всѣмъ товарамъ

[1]) Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ статьѣ Зомбарта есть прекрасное мѣсто о субъективизмѣ и объективизмѣ въ политической экономіи. Подъ послѣднимъ Зомбартъ разумѣетъ „потокъ, берущій начало отъ Кенэ и черезъ Смита, Рикардо и Родбертуса идущій къ Марксу“, который и является наиболѣе полнымъ представителемъ научнаго объективизма.

субстанцію цѣнности [1]). Въ полезномъ трудѣ опредѣленнаго вида, какъ, напр., пряжа, шитье и т. п., абстрагируются всѣ признаки, составляющіе его свойства, какъ работы даннаго вида; изъ конкретнаго труда получается абстрактный трудъ, простая трата рабочей силы [2]). Итакъ, какъ цѣнности, товары суть „вещи равной субстанціи [3]), объективныя выраженія однороднаго труда“ (D. K., 10). Но различные товары вымѣниваются одинъ на другой въ различныхъ пропорціяхъ. Чѣмъ же опредѣляются эти измѣняющіяся пропорціи? Если субстанцію цѣнности составляетъ абстрактный человѣческій трудъ, трата рабочей силы, то различныя количества этой траты создадутъ, очевидно, и различныя цѣнности. А количество траты, ceteris paribus, всего удобнѣе измѣряется продолжительностью процесса труда, т.-е. рабочимъ временемъ. Поэтому „цѣнность одного товара такъ относится къ цѣнности другого, какъ рабочее время, необходимое для производства перваго, относится къ рабочему времени, необходимому для производства второго“. (D. K., ib.).

Итакъ, „если относительно потребительной стоимости трудъ, заключенный въ товарѣ, имѣетъ значеніе только съ качественной стороны, относительно величины стоимости трудъ этотъ, разъ онъ сведенъ къ человѣческому труду безъ всякаго дальнѣйшаго содержанія, имѣетъ значеніе только съ количественной стороны. Тамъ дѣло идетъ относительно свойствъ и сущности (um Wie und Was) труда, здѣсь—относительно его количества (um ihr Wie Viel), его продолжительности. Такъ какъ величина стоимости товара представляетъ лишь количество заключеннаго въ немъ труда, товары въ извѣстной пропорціи должны представлять всегда равныя цѣнности“ (ib., p. 12).

Теперь, когда мы знаемъ субстанцію и мѣру цѣнности, для насъ ясна и связь между ними. Это не случайная, не произ-

---

[1]) Опускаемъ ученія о потенцированномъ и общественно-необходимомъ трудѣ. Въ нашу задачу, повторяемъ, не входитъ полное изложеніе трудовой теоріи цѣнности.

[2]) „Этотъ пунктъ, впервые изслѣдованный критически мною, есть основной пунктъ, на которомъ зиждется пониманіе политической экономіи“ (G), говоритъ Марксъ.

[3]) Зомбартъ все время говоритъ о количественной соизмѣримости товаровъ, забывая, что для этого они должны быть соизмѣримы качественно „Die Grossen verschiedener Dinge erst quantitativ—vergleichbar werden nach ihrer Beduction auf dieselbe Einheit. Nur als Ausdrucke derselben Einheit sind sie gleichnamige, daher kommensurable Grossen“ (D. K, p. 16—17). Впрочемъ у Зомбарта здѣсь скорѣе неточность, остающаяся безъ вліянія на ходъ его разсужденій, нежели ошибка.

вольно выбранная связь, нѣтъ, это различныя стороны одного и того же факта, или одинъ и тотъ же фактъ, разсматриваемый подъ различными углами зрѣнія: со стороны его качества и со стороны его количества.

Для опредѣленія субстанціи и величины цѣнности мы предполагали, что товары поставлены уже въ отношеніе мѣны. Это предположеніе необходимо было намъ, чтобы опредѣлить общую сущность, заключающуюся въ обмѣниваемыхъ товарахъ, и пропорціи, въ которыхъ эти товары обмѣниваются между собою. Мы принимали такимъ образомъ форму товара, или отношеніе мѣны, за что то само собою разумѣющееся, какъ бы за натуральную форму, которую имѣютъ полезные продукты человѣческаго труда. Такое предположеніе было сдѣлано въ методологическихъ видахъ, ибо безъ него никакія усилія абстракціи не открыли бы въ продуктѣ полезнаго труда цѣнности. „Можно отдѣльный товаръ вертѣть, какъ угодно, онъ остается непонятнымъ, какъ носитель цѣнности (Werthding). Но если мы вспомнимъ, что товары обладаютъ стоимостью лишь настолько, насколько они суть выраженія одной и той же общественной единицы,—человѣческаго труда, что ихъ стоимость, слѣдовательно, чисто-общественнаго происхожденія, то становится само собой понятнымъ, что она можетъ проявляться только въ общественномъ отношеніи товара къ товару. Фактически мы вышли изъ мѣновой цѣнности или мѣнового отношенія товаровъ, чтобы напасть на слѣдъ скрытой здѣсь цѣнности ихъ. Теперь мы должны возвратиться къ этой формѣ проявленія цѣнности“. (D. K., p. 14—15). Мы остановимся въ интересахъ краткости на простой относительной формѣ цѣнности [x тов. A $=$ y тов. B и наоборотъ], содержащей въ себѣ, хотя и въ неразвитомъ видѣ, всѣ основныя опредѣленія цѣнности [1]).

Когда мы говоримъ, что, какъ цѣнности, товары суть овеществленіе человѣческаго труда, это утвержденіе основывается лишь на абстракціи, товаръ самъ въ себѣ не можетъ выразить своей цѣнности; онъ есть лишь извѣстный предметъ потребленія. Если же мы говоримъ, что холстъ $=$ сюртуку, цѣнность холста получаетъ предметную форму существованія, отличную

[1]) Такимъ образомъ мы пропускаемъ развитіе этой формы во всеобщую форму цѣнности, а равнымъ образомъ и ученіе о развитіи эквивалента, ученіе, имѣющее несравненную цѣну для денежнаго теоретика. Къ сожалѣнію, научной критикой совсѣмъ почти не затронутъ этотъ классическій анализъ, представляющій, въ нашихъ глазахъ, самое важное и самое замѣчательное мѣсто въ теоріи цѣнности Маркса.

отъ своей собственной, выражается въ потребительной формѣ сюртука. Холстъ впервые становится мѣновой цѣнностью. Приравнивая цѣнность холста цѣнности сюртука, мы представляемъ холстъ предметомъ одной и той же общественной субстанціи, какъ и сюртукъ,—человѣческаго труда: трудъ, заключенный въ холстѣ, приравнивается труду, заключенному въ сюртукѣ. При этомъ конкретный трудъ портного приравнивается конкретному труду ткача, слѣдовательно, отвлекается конкретная форма обоихъ видовъ труда, и остается только ихъ абстрактная сущность—трата рабочей силы. Далѣе, лишь извѣстное количество холста приравнивается извѣстному числу сюртуковъ; измѣняется первое количество, измѣняется и второе. Такимъ образомъ здѣсь цѣнность является опредѣленной и съ количественной стороны. Итакъ, „простая форма цѣнности товара заключается въ его отношеніи, какъ цѣнности, къ другому товару, или въ отношеніи обмѣна съ нимъ. Цѣнность товара A выражена качественно черезъ непосредственную вымѣниваемость товара B на товаръ A. Она выражена количественно черезъ вымѣниваемость лишь опредѣленнаго количества товара A на товаръ B. Другими словами: цѣнность товара нашла самостоятельное выраженіе черезъ свое представленіе, какъ „мѣновой цѣнности“. Товаръ есть предметъ потребленія и „цѣнность“. Онъ представляется въ этой своей двойственности, какъ только получаетъ собственную, отличную отъ своей природной формы, форму мѣновой цѣнности, и онъ не обладаетъ этой формой, разсматриваемой въ отдѣльности (isolirt), а всегда въ отношеніи цѣнности, или мѣновомъ отношеніи къ другому, отличному отъ него товару“ (ib., 28).

Такимъ образомъ, продуктъ извѣстнаго труда, раньше лишь мыслимый, какъ цѣнность, *фактически* становится ею только въ мѣновомъ отношеніи, или въ формѣ товара, въ формѣ цѣнности. Въ то же время „форма цѣнности есть самая абстрактная и самая общая форма буржуазнаго способа производства, который исторически характеризуется ею, какъ особый видъ общественнаго производства“ (ib., p. 50, Note 32). Итакъ, въ чемъ заключается сущность товара, или, какъ выражается Марксъ, мистическое его свойство? Очевидно не въ его потребительной стоимости, потому что ни въ удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, ни въ приведеніи матеріи въ форму, въ которой она способна удовлетворять нашимъ потребностямъ, нѣтъ ничего, характеризующаго товаръ, какъ таковой: это свойственно всѣмъ временамъ и всѣмъ способамъ производства. Столь же мало таинственная сущность товара связана и съ содержаніемъ опре-

дѣленія цѣнности. „Ибо, во 1-хъ, какъ ни различенъ можетъ быть трудъ, или производительная дѣятельность, но то, что онъ составляетъ функцію человѣческаго организма есть простая физіологическая истина, а всякая такая функція, каково бы ни было ея содержаніе и форма, сводится къ тратѣ мозга, нервовъ, мускуловъ, органовъ чувства и т. д. Во 2-хъ, что касается опредѣленія величины стоимости, продолжительности этой затраты или количества труда, то это количество представляетъ осязательныя различія отъ качества труда. Во всѣ времена человѣка должно было интересовать рабочее время, которое затрачивается на производство средствъ къ жизни. Наконецъ, разъ люди работаютъ какимъ бы то ни было способомъ другъ для друга, ихъ трудъ получаетъ и общественную форму. Откуда же возникаетъ загадочный характеръ продукта труда, какъ только онъ принимаетъ форму товара? Очевидно изъ самой этой формы: *равенство человѣческаго труда получаетъ форму равной цѣнности продуктовъ труда, опредѣленіе затраты человѣческой силы ея продолжительностью получаетъ форму величины цѣнности продуктовъ труда, наконецъ, отношенія производителей... получаютъ форму общественнаго отношенія продуктовъ труда*“ (ib., p. 40—41. Курсивъ нашъ). Та же мысль въ другомъ мѣстѣ поясняется параллелью между товарнымъ производствомъ и нетоварнымъ. Основныя опредѣленія цѣнности — трудъ, какъ ея субстанція, рабочее время, какъ ея мѣра, можно найти и у Робинзона на его островѣ, и въ средневѣковомъ помѣстномъ хозяйствѣ, и въ древнеиндійской общинѣ, и въ общинѣ свободно ассоціированныхъ производителей. Но нигдѣ продукты полезнаго труда не становятся товарами, ибо нигдѣ не принимаютъ формы цѣнности. А это въ свою очередь зависитъ отъ того, что общественныя потребности удовлетворяются частными производителями; эти же послѣдніе вступаютъ въ общественныя отношенія только окольнымъ путемъ, путемъ общественнаго отношенія ихъ продуктовъ.

Возникаетъ и поддерживается подобный порядокъ вещей, конечно, не актомъ сознательной воли отдѣльныхъ производителей; онъ есть равнодѣйствующая стремленій и поступковъ каждаго члена общества, преслѣдующаго свои индивидуальныя цѣли и интересы [1]). Поэтому, „формы, которыя дѣлаютъ продукты труда товарами и, слѣдовательно, предполагаютъ товарное обращеніе, обладаютъ уже прочностью естественныхъ формъ обще-

[1]) По прекрасному выраженію Зомбарта, „у Маркса никогда не идетъ дѣло о мотивахъ (um Motivation), но всегда объ ограниченіи (um Limitation) sc. индивидуальной воли хозяйствующихъ субъектовъ“ (l. c., p. 591)

ственной жизни, раньше чѣмъ люди пытаются отдать себѣ отчетъ не относительно историческаго характера этихъ формъ, которыя представляются имъ неизмѣнными, но объ ихъ содержаніи“ (ib., p. 44—45). Практически интересуетъ каждаго производителя прежде всего лишь то, сколько онъ получитъ за свой товаръ продуктовъ труда другихъ. „Поэтому, фактически характеръ продуктовъ труда, какъ цѣнностей, утверждается черезъ ихъ осуществленіе, какъ величинъ цѣнности“ (44). Точно также и въ наукѣ анализируется только субстанція и величина цѣнности; форма же цѣнности предполагается естественной формой, не подлежащей дальнѣйшему анализу. Вотъ почему классическая экономія, равно какъ и всѣ дальнѣйшіе экономисты совершенно игнорировали форму стоимости [1]).

Формы, проистекающія изъ товарнаго обращенія, образуютъ категоріи политической экономіи. „Это суть общественно обязательныя (gultige), слѣдовательно объективныя формы мысли для отношеній производства этого исторически опредѣленнаго общественнаго способа производства, именно товарнаго“ (45).

Надѣемся, мы достаточно выяснили теперь характеръ товара и мѣновой стоимости у Маркса. Продуктъ полезнаго человѣческаго труда становится мѣновой цѣнностью, или товаромъ только *въ формѣ* цѣнности и черезъ ея посредство. Другими словами, мѣновая цѣнность одного товара мыслима и существуетъ только *въ отношеніи* къ другому товару, и съ этимъ отношеніемъ связаны всѣ основныя опредѣленія цѣнности. Эта логическая категорія соотвѣтствуетъ тому историческому порядку вещей, при которомъ общественное отношеніе производителей выражается общественнымъ отношеніемъ ихъ продуктовъ; трудъ частнаго производителя, направленный на общественныя цѣли, становится дѣйствительно общественнымъ лишь черезъ посредство приравниванья его труду другихъ производителей въ отношеніи цѣнности товаровъ [2]).

---

[1]) Такова же, по моему мнѣнію, причина, почему и большинство экономистовъ, изучавшихъ Маркса, останавливались преимущественно на анализѣ субстанціи и величины стоимости, игнорируя сравнительно ея форму.

[2]) Отсюда слѣдуетъ, между прочимъ, что трудовая цѣнность есть прежде всего *общественно-историческій фактъ, общественное отношеніе производителей.* Особенность послѣдняго въ томъ, что въ общественное отношеніе между собой становятся не сами производители, какъ таковые, Иванъ, Петръ, Сидоръ, Ѳома,—всѣ они остаются частными лицами,—но ихъ трудъ, который овеществляется въ продуктѣ. Отсюда равенство человѣческаго труда получаетъ форму равенства цѣнности продуктовъ труда, опредѣленіе затраты человѣческой силы ея продолжительностью получаетъ форму величины цѣнности продуктовъ

Теперь намъ не трудно отвѣтить на вопросъ, ради котораго мы предпринимали этотъ экскурсъ въ область теоріи Маркса: есть ли законъ цѣнности правило, регулирующее обмѣны, или что либо иное? На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ,— основное опредѣленіе, выясненію котораго и посвященъ весь анализъ цѣнности: „мѣновая цѣнность является, прежде всего, количественнымъ отношеніемъ или пропорціей, въ которой потребительныя стоимости одного рода вымѣниваются на потребительныя стоимости другого рода—отношеніемъ, измѣняющимся въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ. Мѣновая стоимость представляется, такимъ образомъ, чѣмъ-то случайнымъ и вполнѣ относительнымъ, а слѣдовательно, имманентная или присущая товару мѣновая стоимость (valeur intrinsèque) есть contradictio in adiecto“ (ib., p. 3).

Понятіе цѣнности у Маркса вполнѣ совпадаетъ и покрывается понятіемъ издержекъ производства *во второмъ* изъ двухъ значеній, которыя имѣетъ это слово у Зомбарта. Слѣдовательно, мѣновой законъ состоитъ въ томъ, что товары вымѣниваютси другъ на друга пропорціонально заключенному въ нихъ количеству общественно-необходимаго труда, цѣнность ихъ опредѣляется издержками труда на ихъ производство. Въ такомъ видѣ всегда и трактовалась трудовая цѣнность. Какъ правило обмѣна понимаютъ цѣнность А. Смитъ и въ особенности Рикардо. О Родбертусѣ мы скажемъ ниже [1]).

труда и т. д. Сказанное служитъ отвѣтомъ на вошедшее въ послѣднее время въ моду возраженіе противъ трудовой теоріи, что она не обоснована, что она представляетъ petitio principii и под. Да, не только не обоснована, но и не можетъ быть обоснована, какъ не можетъ быть обоснованъ историческій фактъ Понятно, насколько сильна такая критика, которая утверждаетъ, что „ihre (трудовой теоріи) dialectische (?!) Begrundung nichts weniger als zwingend ist“ (Böhm-Baverk въ ст. „Werth“ въ Handw. d. Staatsw., VI, 689), „Zwingend“ является не діалектическое обоснованіе, а историческій фактъ

[1]) Говоря это, мы отнюдь не утверждаемъ, что только тѣ товары имѣютъ мѣновую цѣнность, которые *фактически* были вымѣнены. Форма цѣнности есть необходимое *общественное* условіе существованія товара. Но этимъ вовсе не сказано, что понятіемъ о формѣ цѣнности исчерпывается все содержаніе понятія цѣнности; цѣнность—при условіи потенціальной вымѣнпваемости—получаетъ самостоятельное существованіе *въ формѣ капитала*. Марксъ во II т. *Капитала* по этому поводу замѣчаетъ слѣдующее. „стоимость—говоритъ *Bailey*, возражая противъ самостоятельнаго существованія стоимости, характеризующаго капиталистическій способъ производства и которое онъ третируетъ, какъ иллюзію нѣкоторыхъ экономистовъ,—стоимость есть отношеніе между товарами, существующими одновременно, потому что только при этомъ условіи они могутъ быть вымѣниваемы одни на другіе“. Это онъ говоритъ противъ

Если мы вѣрно передали сущность теоріи Маркса, то очевидно, все построеніе Зомбарта ошибочно въ самой основѣ. Изслѣдуемъ его ближе.

Какъ мы видѣли, понятіе цѣнности характеризуется у Зомбарта двумя чертами: во-1-хъ, это есть логическая категорія, обусловленная потребностью нашего ума сдѣлать соизмѣримыми количественно предметы, различные качественно; во-2-хъ, цѣнность есть экономическое выраженіе техническаго факта общественной производительности труда. Относительно перваго признака несомнѣнно, что онъ нисколько не характеренъ для данной исторической эпохи,—товарнаго производства. Наоборотъ, логическій пріемъ соизмѣренія, какъ результатъ постоянной потребности нашего ума, есть его свойство, независимое отъ данной исторической эпохи; онъ составляетъ такую же категорію, какъ категоріи времени, пространства и другія свойства чистаго разума въ системѣ Канта Слѣдовательно, понятіе цѣнности въ этомъ смыслѣ, во-1-хъ, вѣчно (употребляемъ это неточное выраженіе, чтобы ярче оттѣнить неисторическій ха-

---

сравненія стоимостей въ различныя эпохи времени,—сравненія, которое, разъ установлена стоимость денегъ для каждой эпохи, означаетъ только сравненіе затраты труда, необходимой въ разныя эпохи для производства товара того же рода. Происходитъ это отъ его общаго ошибочнаго пониманія, по которому мѣновая стоимость равняется стоимости, т.-е. форма стоимости есть сама стоимость; слѣдовательно, стоимости товаровъ уже не могутъ быть сравниваемы, если онѣ не играютъ въ дѣйствительности роли мѣновыхъ стоимостей, т.-е если онѣ въ дѣйствительности не будутъ обмѣнены одна на другую. Онъ ни мало не подозрѣваетъ, что стоимость играетъ только роль капитальной стоимости или капитала, пока она остается сама собою и пока она сравнима сама съ собою въ различныхъ фазахъ своего круговращенія, которыя никакимъ образомъ не одновременны, но слѣдуютъ одна за другою". (Капит., т. II, стр. 64, р. и). Очевидно, что съ нашей точки зрѣнія стоимость, во 1-хъ, не совпадаетъ съ формой стоимости, ибо въ составъ содержанія этого понятія входитъ, сверхъ того, ея субстанція и величина, во 2-хъ, со стороны своей субстанціи - труда, какъ вѣчнаго условія человѣческаго существованія,—сравненіе стоимостей допустимо даже для такихъ эпохъ, когда продукты полезнаго труда не принимаютъ формы стоимости, что „означаетъ только сравненіе затраты труда, необходимой въ разныя эпохи для производства товара".

Равнозначущими съ приведеннымъ являются и слѣдующія мѣста II тома. „Тѣ, которые видятъ въ представленіи самостоятельнаго существованія стоимости (Verselbststandigung des Werthes) только простую отвлеченность, забываютъ, что движеніе промышленнаго капитала есть эта отвлеченность in actu, въ дѣйствіи" (Кап, II, 63).

„Періодическіе перевороты, происходящіе въ стоимостяхъ, подтверждаютъ то, что они якобы должны опровергнуть, именно фактъ самостоятельнаго существованія, которое пріобрѣтаетъ стоимость, какъ капиталъ, и которое вслѣдствіе ея движенія сохраняется и укрѣпляется" (64)

рактеръ этой категоріи); во-2-хъ, субъективно, ибо есть свойство познающаго субъекта, а не познаваемаго объекта. Въ этомъ качествѣ понятіе это не имѣетъ никакой цѣны для системы Маркса, исторической и объективной [1]), и составляетъ даже рѣзкій съ ней диссонансъ. Категоріи политической экономіи суть „общественно обязательныя, слѣдовательно объективныя формы мысли", вызываемыя отношеніями господствующаго способа производства, появляющіяся и пропадающія вмѣстѣ съ этимъ способомъ, а вовсе не вѣчные законы нашего мышленія. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ у Маркса историческія и объективныя формы мысли, у Зомбарта надъ-историческія и субъективныя свойства ума; такія точки зрѣнія представляются противоположными полюсами.

Очевидно въ то же время, что между этимъ *субъективнымъ* логическимъ пріемомъ и тѣмъ *объективнымъ* содержаніемъ, которое впослѣдствіи влагаетъ въ него Зомбартъ, нѣтъ и не можетъ быть никакой внутренней связи. Цѣнность въ первомъ, логическомъ, смыслѣ есть пустая форма, которую можно наполнить какимъ угодно содержаніемъ, подобно тому, какъ пустое пространство, образующее геометрическое тѣло, можно вообразить наполненнымъ и деревомъ, и металломъ, и всякимъ другимъ веществомъ. Продукты человѣческаго труда съ полнымъ логическимъ правомъ могутъ быть сдѣланы соизмѣримыми (разъ дѣло идетъ только о соизмѣримости) и по вѣсу, и по объему, и по цвѣту, и по запаху, и по какому угодно фантастическому признаку, лишь бы онъ былъ общимъ всѣмъ этимъ продуктамъ. Если же это такъ, то не ясно ли, что это логическое понятіе цѣнности ничего не прибавляетъ къ характеристикѣ товаровъ, какъ трудовыхъ цѣнностей, разъ оно сосуществуетъ и со всякими другими признаками соизмѣримости и помимо труда?

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что первый признакъ цѣнности, выставленный Зомбартомъ, долженъ быть отвергнутъ a limine: 1) онъ является субъективнымъ тамъ, гдѣ требуется объективная характеристика; 2) онъ является вѣчнымъ тамъ, гдѣ требуется охарактеризовать опредѣленную историческую эпоху; 3) онъ нисколько не выдѣляетъ характеризуемое понятіе изъ ряда другихъ, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго; поэтому онъ долженъ быть устраненъ.

Теперь остается единственный признакъ понятія о цѣнности Зомбарта: это то объективное содержаніе, которое онъ

[1]) Ср. объ этомъ у Зомбарта, стр. 591—594 Ср его полемику съ Вольфомъ въ Braun's Archiv, 1892—3 г., (см. объ этомъ также *Струве*, Критич. Замѣтки etc., стр. 67).

вдвигаетъ въ разсмотрѣнную субъективную форму: производительность труда. Содержаніемъ представленія о цѣнности является производительность труда. Посредствомъ понятія о трудѣ, какъ абстрактномъ трудѣ, погашаются качественныя различія товаровъ; посредствомъ измѣренія абстрактнаго труда рабочимъ временемъ устанавливается для техническаго факта различной производительности труда адэкватное экономическое выраженіе—различная цѣнность предметовъ, изготовляемыхъ съ различной затратой труда. Если перевести это на языкъ Маркса, это значитъ, что абстрактный трудъ составляетъ субстанцію цѣнности, а рабочее время—ея мѣру.

Но приближаетъ ли это ученіе хотя на волосъ къ пониманію особенностей разсматриваемой *исторической* эпохи — товарнаго производства? Нѣтъ, не приближаетъ. Мы знаемъ, что трудъ, какъ образователь потребительной стоимости, или полезный трудъ составляетъ независимое отъ всякихъ общественныхъ формъ условіе существованія человѣка, „вѣчную естественную необходимость, обусловливающую обмѣнъ веществъ между человѣкомъ и природой, слѣдовательно человѣческую жизнь“. (D. K., p. 9). Мы видѣли также, что рабочее время, или, что тоже, различная производительность труда, во всѣ времена интересуетъ человѣка въ силу простого факта ограниченности его силъ и способности къ безграничному возрастанію его потребностей. Интересуетъ она и Робинзона на его островѣ, и первобытную общину, и общину свободно ассоціированныхъ производителей, и помѣстное хозяйство среднихъ вѣковъ. И нигдѣ наличность этихъ элементовъ стоимости неспособна была сдѣлать продуктъ полезнаго труда товаромъ, разъ не было въ наличности извѣстныхъ *общественно-историческихъ* условій, разъ общественное отношеніе производителей не выражалось въ общественномъ отношеніи ихъ продуктовъ, разъ самые эти продукты не становились между собой въ общественное отношеніе, отношеніе стоимости, т.-е. не принимали форму стоимости. Въ этой формѣ и лежитъ вся особенность эпохи товарнаго производства, и ее нужно особо выдѣлить при анализѣ. Πρῶτον ψεῦδος всѣхъ разсужденій Зомбарта я вижу въ томъ, что онъ не только не выдѣлилъ, но совершенно игнорировалъ форму стоимости и тѣмъ уничтожилъ духовную сущность разсматриваемой системы. Ибо въ центрѣ этой системы лежитъ понятіе исторической эволюціи, исторической преемственности общественныхъ формъ; не надъисторическое понятіе производительности труда, какъ думаетъ

Зомбартъ, а тѣ преходящія общественныя формы, въ которыхъ выражаются эти вѣчные надъ-историческіе факты. Марксъ первый подвергнулъ анализу основную историческую форму капиталистическаго производства, форму цѣнности Въ ней, въ простомъ выраженіи: x тов. A = y тов. B, онъ увидѣлъ историческую сущность капиталистическаго производства „Если форму цѣнности считаютъ вѣчною, естественною формой общественнаго производства, то необходимо просматриваютъ специфическую особенность формы стоимости, слѣдовательно, формы товара, въ дальнѣйшемъ развитіи — формы денегъ, капитала и т. д". (D. K., p. 50. Note 32). Если же совсѣмъ игнорировать эту форму, это значитъ упустить изъ вида всю историческую особенность капиталистическаго производства. Зомбартъ именно это и дѣлаетъ: онъ останавливаетъ свой анализъ какъ разъ тамъ, гдѣ начинается историческій элементъ и кончается надъ-историческій. Для опредѣленія цѣнности онъ беретъ все, что въ этомъ опредѣленіи было вѣчнаго, и отбрасываетъ то, что было историческаго. Неудивительно, поэтому, что въ центрѣ экономической системы у него оказывается понятіе производительности труда. По нашему мнѣнію, если понятіе эволюціи составляетъ центръ историко-философской системы Маркса, то въ *центрѣ его экономической системы лежитъ понятіе формы цѣнности, формы товара.*

Итакъ, какъ мы видимъ теперь, къ вѣчной субъективной категоріи Зомбартъ придалъ вѣчную объективную. Излишне добавлять, что, разъ Зомбартъ игнорировалъ форму цѣнности, форму товара, цѣнность и не могла явиться у него мѣновой пропорціей, а явилась тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть и при отсутствіи товарнаго производства, если только можно тогда говорить о цѣнности.

На это могутъ указать, что въ опредѣленіе цѣнности Зомбартъ вводитъ признакъ, по которому цѣнность есть *специфически-историческая форма* и т. д. Но, во-первыхъ, признакъ этотъ появляется у него совершенно неожиданно: ему нѣтъ мѣста въ его предыдущихъ разсужденіяхъ, гдѣ рѣчь была только о надъ-историческихъ элементахъ цѣнности. И, во-вторыхъ, нужно показать, въ чемъ же заключается особенность этой исторической формы? Съ нашей точки зрѣнія, эта особенность состоитъ въ томъ, что трудъ, вѣчный посредникъ при обмѣнѣ веществъ между человѣкомъ и окружающимъ міромъ, вѣчное условіе человѣческой жизни, пріобрѣтаетъ при товарномъ производствѣ новое свойство, быть опредѣлителемъ мѣновыхъ пропорцій. Это свойство Зомбартъ отрицаетъ, не

выставляя взамѣнъ другого; потому и остается непонятнымъ, въ чемъ же состоитъ „специфически-историческая“ характеристика трудовой цѣнности

И тѣмъ не менѣе въ защиту Зомбарта говоритъ огромной важности фактъ — тѣ дополненія, которыя внесены въ теорію цѣнности III-мъ томомъ *Капитала*. Въ нихъ и лежитъ raison d'être подобнаго рода построеній. Товары продаются не по трудовой цѣнности, трудовая цѣнность не регулируетъ обмѣновъ непосредственно, а лишь въ послѣдней инстанціи, трудовая цѣнность не проявляется въ мѣновомъ отношеніи: вотъ факты, которые предстоитъ осилить послѣдовательному стороннику трудовой теоріи Прежде всего нужно устранить неточность, проявляющуюся во всѣхъ сужденіяхъ подобнаго рода (по чуждъ ея и Зомбартъ, также утверждающій, что трудовая цѣнность не проявляется въ мѣновомъ отношеніи). Не говоря уже о формѣ цѣнности, какъ не имѣющей прямого отношенія до количественнаго содержанія мѣновыхъ пропорцій, ученіе о субстанціи цѣнности остается въ полной силѣ даже и послѣ ограниченій трудовой теоріи. Думающихъ противное мы просимъ указать иной объективный признакъ соизмѣримости товаровъ, кромѣ абстрактнаго труда, признакъ, съ такимъ же удобствомъ, притомъ, объясняющій явленія тозарнаго производства (мы не говоримъ, конечно, о субъективныхъ построеніяхъ, которыхъ можетъ быть столько, сколько головъ и сколько умовъ). Въ третьемъ томѣ внесены дополненія лишь въ ученіе о величинѣ цѣнности (Werthgrosse). Вотъ почему намъ думается, между прочимъ, что ученіе Зомбарта, измѣняющее *всю* теорію цѣнности, бьетъ мимо цѣли, ибо бьетъ *дальше* ея.

Что касается величины цѣнности, то пишущему эти строки въ ученіи I и III томовъ *Капитала* о величинѣ цѣнности представляется несомнѣнное противорѣчіе [1]). Вспомнимъ ту безусловную форму, въ которой было выставлено въ I томѣ ученіе о величинѣ цѣнности (нельзя же считать за ограниченія двухъ-трехъ глухихъ намековъ, совершенно непонятныхъ безъ III-го тома). Образцы этой безусловности были и въ предыдущемъ, приведемъ здѣсь еще. „Только количество общественно-необходимаго труда или общественно-необходимое для производства потребительной стоимости рабочее время опредѣляетъ величину цѣнности товара. Товары, въ которыхъ содержатся равныя ко-

[1]) Ср. нашу статью Третій томъ Капитала К. Маркса (Рус. М., 1895, кн. 3)

личества труда, или которые требуютъ для производства равное рабочее время, имѣютъ и равныя величины цѣнности. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого" (D. K., p. 6). Естественно, что послѣ выставленнаго въ такой формѣ ученія, ограниченія III-го тома являются и неожиданностью, и противорѣчіемъ.

Марксъ предлагаетъ здѣсь считать ученіе I-го тома не болѣе, какъ чѣмъ-то въ родѣ методологическаго пріема. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія I и III томы представляютъ два послѣдовательные момента развитія теоріи цѣнности; первый разсматриваетъ цѣнность съ точки зрѣнія простого товарнаго обращенія; капиталъ еще отсутствуетъ на этой стадіи изслѣдованія. Въ III томѣ это простая точка зрѣнія осложнена, благодаря принятію въ разсчетъ вліянія капитала. Лишь при такомъ воззрѣніи на оба эти тома устраняется противорѣчіе по существу, т. е. не только редакціоннаго свойства. Вся „загадочность" равенства прибыли объясняется тогда не неправильнымъ пониманіемъ цѣнности, какъ думаетъ Зомбартъ, а просто тѣмъ, что, благодаря отсутствію соотвѣтствующихъ указаній въ I томѣ *Капитала*, ученіе о цѣнности, изложенное въ этомъ I томѣ, считалось *исчерпывающимъ*.

Но какъ бы ни конструировать себѣ отношеніе I-го и III-го томовъ *Капитала*, одно обстоятельство остается несомнѣннымъ: ограниченія трудовой теоріи *не уничтожаютъ* самой теоріи. Безъ этой послѣдней все-таки невозможно научное пониманіе хозяйственныхъ явленій. А изъ этого, въ свою очередь, слѣдуютъ два вывода. Неосновательны и, по крайней мѣрѣ, не мотивированы развязныя утвержденія въ родѣ того, которое дѣлаетъ Лоріа, пророчащій мѣновому закону участь „желѣзнаго" закона заработной платы. Излишне, — и ради ограниченія трудовой теоріи,—давать такія толкованія понятію о цѣнности, которыя оставляютъ отъ этого историческаго понятія одно имя. Будетъ логичнѣе признать извѣстную несогласованность въ отдѣльныхъ частяхъ ученія, нежели давать ему толкованіе, противорѣчащее не только буквѣ, но и духу самого ученія. Какъ выражаются нѣмцы, Вернеръ Зомбартъ вмѣстѣ съ водой выплескиваетъ изъ ванны и ребенка! [1]).

---

[1]) Въ цитированной нашей статьѣ о III томѣ Капитала мы говоримъ о цѣнности тамъ, гдѣ разумѣется лишь величина цѣнности. Такое словоупотре-

III

Если намъ удалось поколебать въ глазахъ читателя ученіе Зомбарта о цѣнности, тѣмъ самымъ уже поколеблено и его ученіе о прибавочной стоимости, ибо послѣднее есть послѣдовательное развитіе перваго. Подобно тому какъ въ первомъ Зомбартъ доказываетъ отсутствіе эмпирической связи между цѣнностью и издержками производства, въ послѣднемъ онъ доказываетъ отсутствіе эмпирической связи между прибавочной стоимостью и прибылью (профитомъ). Эта часть ученія Зомбарта гораздо менѣе развита, что дѣлаетъ болѣе затруднительнымъ ея пониманіе и критику. Характерный недостатокъ всей концепціи Зомбарта — ея неисторическій характеръ — проявляется и въ этомъ ученіи. Что такое прибавочная стоимость въ смыслѣ Маркса? Это способъ возрастанія цѣнности капитала, особенная историческая форма, въ которой происходитъ возрастаніе богатства капиталистическаго общества. Съ количественной стороны это излишекъ стоимости продукта сравнительно съ затратой капитала на его производство, или, полагая постоянный капиталъ равнымъ нулю, излишекъ (Inkrement) стоимости продукта сравнительно съ заработной платой или перемѣннымъ капиталомъ. Такимъ образомъ, понятіе прибавочной стоимости соотносительно понятію капитала, какъ самовозрастающей цѣнности, мыслимо только въ связи съ нимъ [1]).

Не такъ у Зомбарта. Онъ настаиваетъ, что исходнымъ пунктомъ при опредѣленіи прибавочной стоимости нужно взять общественное рабочее время, и опредѣленіе прибавочной стоимости даетъ исключительно съ точки зрѣнія послѣдняго. Въ формальномъ смыслѣ прибавочная стоимость есть, по Зомбарту, излишекъ продуктовъ общественнаго труда надъ фиксированною какимъ-либо образомъ ихъ частью, воплощеніе общественнаго

бленіе (свойственное иногда и Марксу) объясняется у насъ тѣмъ, что вопросъ о субстанціи и формѣ цѣнности въ этой статьѣ совсѣмъ не затронутъ, и эти ученія предположены разумѣющимися сами собой.

[1]) Едва-ли нужно добавлять, что мы имѣемъ въ виду капиталистическое производство, основанное на существованіи рабочей силы какъ товара. Прибавочная стоимость свойственна и другимъ историческимъ эпохамъ, какъ напр. рабству, крѣпостничеству, но нигдѣ, кромѣ какъ при капиталистическомъ способѣ производства, не соединяется съ существованіемъ рабочей силы, какъ товара, и средствъ существованія рабочихъ, какъ перемѣннаго капитала.

прибавочнаго труда. Нужно-ли особенно настаивать, что это опредѣленіе ничего не даетъ для опредѣленія прибавочной стоимости, какъ историческаго факта, и есть не болѣе, какъ тожесловіе, или, въ лучшемъ случаѣ, этимологическое объясненіе слова *прибавочный*. Прибавочная стоимость въ формальномъ смыслѣ является еще болѣе безсодержательной категоріей, нежели формальное опредѣленіе цѣнности.

Но этимъ формальнымъ опредѣленіемъ Зомбартъ подготовляетъ лишь почву для историческаго опредѣленія. Каково же это послѣднее? Прибавочная стоимость въ капиталистическомъ смыслѣ есть продуктъ общественнаго прибавочнаго времени, освояемый капиталомъ. Прежде чѣмъ перейти къ болѣе детальному разбору этого опредѣленія, устранимъ его основную ошибку, дѣлающую его всего менѣе соотвѣтствующимъ ученію Маркса. Мы говоримъ о той роли, которая приписана здѣсь моменту распредѣленія. Этотъ моментъ никогда не игралъ въ разсматриваемой системѣ такой первенствующей роли (что составляетъ скорѣе особенность системы Родбертуса). Распредѣленіе, по Марксу, всегда является адэкватнымъ существующему способу производства и всецѣло имъ опредѣляется. Прибавочная стоимость не потому становится прибавочною стоимостью sensu stricto, что она освояется капиталомъ, но потому, что она имъ производится, потому что производство прибавочной стоимости есть производство самаго капитала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспроизводство капиталистическихъ отношеній. Слѣдовательно, существованіе прибавочной стоимости является не результатомъ освоенія извѣстной доли продуктовъ общественнаго труда извѣстнымъ классомъ лицъ (такое освоеніе мыслимо при всякой организаціи общества: фондъ стариковъ, дѣтей, больныхъ и пр.), но самое освоеніе это есть результатъ извѣстной организаціи производства.

Поэтому, подъ опредѣленіе Зомбарта съ полнымъ удобствомъ можно подвести хозяйство, основанное на рабствѣ и крѣпостничествѣ. Ибо и въ нихъ производится прибавочная стоимость, которая и освояется третьими лицами. Вся разница съ этой точки зрѣнія въ томъ, что у Зомбарта они названы капиталистами, а здѣсь помѣщиками, рабовладѣльцами.

Ошибочность опредѣленія немедленно даетъ себя чувствовать, какъ только Зомбартъ приступаетъ къ количественному опредѣленію прибавочной стоимости. Само по себѣ, это опредѣленіе есть нѣчто, до очевидности ясное Прибавочная стоимость равна цѣнности годового продукта страны минусъ капиталъ.

или, полагая постоянный капиталъ равнымъ нулю, равна цѣнности годового продукта минусъ перемѣнный капиталъ. Слѣдовательно, рѣшающими моментами при опредѣленіи прибавочной стоимости являются: во-первыхъ, величина годоваго продукта; во-вторыхъ, величина затраты капитала. Зомбартъ сознательно исключилъ послѣдній опредѣлитель, какъ неизбѣжно наводящій его на признаніе столь упорно имъ отрицаемой эмпирической связи между прибавочной стоимостью и профитомъ; ему пришлось ввести его лишь окольнымъ путемъ, въ неисторической формѣ.

Прибавочная стоимость, по Зомбарту, есть то, что остается изъ продукта общественнаго труда, сверхъ содержанія необходимыхъ или производительныхъ работниковъ. А производительными работниками являются тѣ, которые создаютъ цѣнности, а это, въ свою очередь, тѣ, которые общественно-необходимы для производства потребительныхъ цѣнностей въ количествѣ, соотвѣтствующемъ теперешней потребности общества, „количествѣ, которое не обусловлено только историческимъ характеромъ капиталистическаго способа производства“. Это опредѣленіе будитъ новыя недоумѣнія. Неужели Зомбарту извѣстны потребности, удовлетворяемыя трудомъ и независимыя отъ всякой общественной организаціи этого труда?! Всякая общественная организація принудительно (конечно, въ широкомъ смыслѣ этого слова) диктуетъ индивиду, отдѣльнымъ классамъ и всему обществу тѣ потребности, которыя онъ можетъ имѣть, т.-е. можетъ разсчитывать удовлетворить. Даже возможность удовлетворенія такихъ физіологическихъ потребностей, какъ въ ѣдѣ, обусловлена общественной организаціей труда. Потребность въ пищѣ для одного и того же числа лицъ можетъ выразиться крайне различно въ зависимости отъ ихъ имущественнаго и соціальнаго положенія; послѣднее же всегда опредѣляется организаціей производства. Потребность въ одеждѣ, въ жилищѣ и т. д., все это опредѣляется тѣми же условіями. Словомъ, наличность потребностей, разсчитывающихъ на удовлетвореніе, есть всецѣло результатъ организаціи производства, слѣдовательно, историческій результатъ соціальнаго развитія, и потребностей, независящихъ отъ организаціи производства и удовлетворяемыхъ трудомъ, нѣтъ [1]). Поэтому опредѣленіе производительнаго труда у Зомбарта ничего не говоритъ.

[1]) Мысль о зависимости потребностей отъ степени развитія производства въ отвратительной по своему цинизму формѣ была выражена Мальтусомъ въ знаменитой тирадѣ, находившейся въ 1-мъ изд. его *Опыта о народонаселеніи*: „человѣкъ, появившійся на свѣтъ, занятый уже другими людьми, если онъ не

Вводя понятіе потребностей, независящихъ отъ исторической эпохи, Зомбартъ хотѣлъ исключить изъ понятія производительнаго труда трудъ, занятый въ торговлѣ, такъ какъ завѣдомо извѣстно, что торговля непроизводительная функція, и въ торговлѣ не создается новыхъ цѣнностей; но въ то же время торговая дѣятельность вызвана исключительно преходящими потребностями капиталистическаго способа производства. Но этого Зомбарту не удалось сдѣлать. Послѣ блестящаго объясненія торговаго капитала, даннаго въ III томѣ *Капитала*, извѣстно, что въ торговлѣ употребляется какъ постоянный, такъ и перемѣнный капиталъ. Составляя одно изъ подраздѣленій общественнаго труда, производство этого постояннаго капитала составляетъ производительную функцію въ томъ смыслѣ, что здѣсь создаются мѣновыя цѣнности. Слѣдовательно, удовлетвореніе этой завѣдомо исторической потребности вполнѣ подходитъ подъ понятіе производительнаго труда у Маркса, что еще разъ доказываетъ недостаточность опредѣленія Зомбарта.

Чтобы покончить съ вопросомъ о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, приведемъ собственное опредѣленіе Маркса, имѣющееся въ *Капиталѣ*. Производительный трудъ опредѣляется тамъ два раза: первый разъ съ точки зрѣнія процесса труда, независимо отъ его исторической формы, второй разъ съ капиталистической точки зрѣнія. „Если разсматривать весь процессъ труда съ точки зрѣнія его результата—продукта, то средства труда и его объектъ являются средствами производства, а самый трудъ—производительнымъ трудомъ“. (D. K., p. 159). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту говорится, что это опредѣленіе, достаточное съ точки зрѣнія простого процесса труда, недостаточно для капиталистической его формы. При господствѣ послѣдней „только тотъ работникъ производителенъ, который производитъ прибавочную стоимость для капитала, или служитъ самовозростанію стоимости капитала. Понятіе производительнаго

получилъ отъ родителей средствъ для существованія, на которыя онъ вправѣ разсчитывать, и если общество не нуждается въ его трудѣ, не имѣетъ никакого права требовать для себя какого-либо пропитанія, ибо онъ совершенно лишній на этомъ свѣтѣ. На великомъ пиршествѣ природы для него нѣтъ мѣста. Природа приказываетъ ему удалиться“. Тамъ, гдѣ Мальтусъ видитъ вѣчный и неизмѣнный законъ природы, мы видимъ историческую, слѣд., измѣняющуюся связь.—Съ потребностями часто происходитъ тоже, что съ „естественными“ правами. Едва успѣло извѣстное право послѣ долгой и мучительной исторической борьбы войти въ жизнь (а иногда и не успѣло), какъ уже провозглашается „естественнымъ и неотчуждаемымъ“ правомъ. Таковы, напр., „права человѣка и гражданина“ въ эпоху великой французской революціи.

работника заключаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, не только отношеніе между дѣятельностью и полезнымъ результатомъ, между работникомъ и продуктомъ труда, но и специфически общественное, исторически возникшее, отношеніе производства, которое дѣлаетъ рабочаго непосредственнымъ органомъ возрастанія стоимости капитала (ib., p. 520).

Такому представленію о производительномъ трудѣ какъ будто противорѣчитъ то обстоятельство, что прибавочная стоимость получается и въ торговомъ капиталѣ, посвященномъ завѣдомо непроизводительной функціи. Но это противорѣчіе только кажущееся. Послѣ разъясненій III тома не остается никакого сомнѣнія относительно роли торговаго капитала: роль его несамостоятельная, а подчиненная; это—контора промышленнаго капиталиста, обособившаяся отъ него и ведущая самостоятельное существованіе. Прибавочная стоимость уплачивается торговцу промышленникомъ ради того, что спеціализаціей функціи обращенія сокращаются издержки послѣдняго. Торговый капиталъ является производительнымъ въ отрицательномъ смыслѣ: въ немъ не создается новой, а сберегается уже произведенная прибавочная стоимость. Самостоятельное существованіе торговаго капитала, безъ промышленнаго, или безъ мелкихъ разрозненныхъ производителей, съ которыхъ онъ получаетъ прибавочную стоимость, есть абсурдъ, non-sens.

Но возвратимся къ Зомбарту. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что у него остался совсѣмъ невыясненнымъ характеръ прибавочной стоимости, а его опредѣленіе совсѣмъ не опредѣляетъ послѣдней; онъ становится при этомъ въ противорѣчіе уже не только съ духомъ, но и съ буквой разсматриваемаго ученія. Гдѣ же причина этого явленія? Намъ думается, что причина лежитъ въ его крайне странномъ и своеобразномъ пониманіи слова *общественный*. Зомбартъ постоянно повторяетъ, что цѣнность и прибавочная стоимость суть *общественные* факты, пониманіе которыхъ возможно только съ *общественной* точки зрѣнія [1]).

Намъ кажется, что здѣсь есть двусмысленность въ употребленіи слова *общественный:* въ одномъ значеніи слово это значитъ *общій*, *типичный*, и противоположно понятію *особенный*, *индивидуальный*; въ другомъ смыслѣ *общественный* значитъ имѣю-

[1]) Послѣдующія замѣчанія относятся столько же къ ученію Зомбарта о цѣнности, какъ и о прибавочной цѣнности. Мы отнесли ихъ ко второй половинѣ статьи въ интересахъ ясности, ибо въ ученіи о прибавочной стоимости ярче проявляется та особенность разсужденій Зомбарта, о которыхъ будетъ идти рѣчь.

щій отношеніе къ *обществу*, но не частнымъ лицамъ и поэтому противуположно понятію *частный*. Попытаемся выразить это различіе примѣрами. Отношеніе наемнаго работника къ капиталисту есть фактъ, общій отношеніямъ и всѣхъ другихъ работниковъ ко всѣмъ другимъ капиталистамъ; онъ предполагаетъ поэтому извѣстныя общія условія, характеризующія съ этой стороны общество капиталистовъ и работниковъ. Это фактъ общественный въ первомъ смыслѣ этого слова. Капиталистъ А производитъ прибавочную стоимость и получаетъ прибыль; тоже дѣлаетъ и капиталистъ В и С и т. д. Очевидно, производство прибавочной стоимости и полученіе прибыли обусловлено какими-то общими причинами общественной организаціи, которыя и дѣлаютъ сходнымъ положеніе А и В и С и т. д. Это фактъ общественный также въ первомъ смыслѣ. Противуположный примѣръ представляютъ дружескія отношенія Петра къ Ивану; эти отношенія распространяются только на этихъ лицъ и вызваны какими-либо исключительными событіями изъ жизни Петра и Ивана; отношенія эти представляютъ особенный, индивидуальный фактъ. Въ примѣръ второго значенія слова *общественный* приведемъ хотя отношеніе общества къ путямъ сообщенія, площадямъ и под. Всѣ они представляютъ собственность общества, какъ такового, какъ цѣлаго, но ничью въ частности. Органы управленія, суды и под. существуютъ въ интересахъ всего общества, но не даннаго частнаго лица, пользующагося ими лишь какъ членъ общества, чрезъ посредство его. Понятіе *общественный* въ послѣднемъ смыслѣ удобнѣе для отличія назвать *непосредственно-общественный*, — предметъ или качество, къ которому общество относится, какъ таковое, безъ посредствующихъ звеньевъ.

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Зомбартъ и употребляетъ слово *общественныи*. Такъ, онъ говоритъ: „въ понятіяхъ цѣнности и прибавочной стоимости констатируются и дѣлаются доступны нашему мышленію общественные факты, издержки же производства и прибыль суть эмпирическіе факты частной, индивидуальной жизни“. Какъ мы показали, издержки производства и прибыль суть такіе же общественные факты въ *первомъ* значеніи этого слова, какъ цѣнность и прибавочная стоимость; очевидно Зомбартъ здѣсь разумѣетъ отношеніе *непосредственно-общественное*. Здѣсь и лежитъ punctum saliens всей его теоріи. Капиталистическое производство какъ разъ характеризуется именно тѣмъ, что здѣсь нѣтъ непосредственно-общественныхъ отношеній. Возьмемъ ли мы товаръ, который, какъ мы уже видѣли, есть частно-общественный предметъ; возьмемъ ли капи-

талъ, командующій общественнымъ сочетаніемъ труда подъ частнымъ контролемъ и по частной иниціативѣ; возьмемъ ли регулированіе производства примѣнительно къ общественнымъ потребностямъ, регулированіе, которое совершается путемъ рыночныхъ удачъ или неудачъ частныхъ производителей и т. д. [1]).

Experimentum crucis пусть послужитъ намъ прибавочная стоимость, къ которой намъ давно пора возвратиться. „Необходимо для пониманія прибавочной стоимости — говоритъ Зомбартъ—стать на точку зрѣнія хозяйствующаго общества“ (578). Невозможно, отвѣтимъ мы, съ этой точки зрѣнія понять природу прибавочной стоимости, ибо при томъ порядкѣ вещей, котораго она составляетъ специфическую особенность, нѣтъ хозяйствующаго общества, а есть хозяйствующій капиталъ, или классъ капиталистовъ. Только съ точки зрѣнія капитала и можно дать опредѣленіе прибавочной стоимости. Говоря же о капиталѣ, не нужно забывать, что это есть коллективное названіе для капиталовъ отдѣльныхъ капиталистовъ A, B, C и т. д., и что понятіе общественнаго капитала получается чрезъ умственное сложеніе капиталовъ этихъ лицъ. Если же можно говорить о капиталѣ, независимо отъ этихъ индивидуальныхъ капиталовъ, то только, какъ о *капиталистическомъ отношеніи*, т.-е. извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, вызывающихъ существованіе капиталовъ A, B, C. Равнымъ образомъ, говоря объ общественной прибавочной стоимости, не нужно забывать, что это есть лишь сумма, полученная изъ умственнаго сложенія прибавочныхъ стоимостей капитала A, B, C и т. д. или, опять таки, общественное условіе, вызывающее производство прибавочной стоимости A, B, C. Сказанное приближаетъ насъ къ разрѣшенію вопроса, поставленнаго Зомбартомъ и составляющаго главную особенность его теоріи: имѣетъ ли прибавочная стоимость что-либо общее съ прибылью, или же это явленія совершенно различнаго порядка? Зомбартъ отвѣчаетъ въ послѣднемъ смыслѣ на томъ основаніи, что прибыль есть индивидуальный, частный, а прибавочная стоимость общественный фактъ. Послѣ сдѣланныхъ разъясненій, мы надѣемся, очевидно, что утвержденіе это основано на недоразумѣніи. Въ первомъ значеніи слова *общественный* и

[1]) Само собой разумѣется, мы говоримъ объ *основныхъ экономическихъ отношеніяхъ*, опредѣляющихъ собою характеръ эпохи. Нѣтъ сомнѣнія, что и капиталистическое производство знаетъ цѣлый рядъ учрежденій непосредственно-общественнаго характера, суды, управленіе, благотворительныя учрежденія; даже въ области экономической жизни: сюда подходятъ такъ называемыя учрежденія общественнаго интереса.

прибыль и прибавочная стоимость суть въ равной степени общественные факты, во второмъ же смыслѣ ни одинъ изъ нихъ. Общественная прибавочная стоимость (какъ и общественная прибыль) есть абстракція, уже въ самомъ дѣлѣ мыслительный фактъ (Gedankenthatsache), и Зомбартъ употребляетъ поистинѣ метафизическій пріемъ, принимая это созданіе нашего мозга за единственно существующую реальность.

На самомъ дѣлѣ отношеніе прибыли къ прибавочной стоимости сводится къ тому, что первая есть особенный способъ измѣренія послѣдней, какъ это нѣсколько разъ повторяется у Маркса, поэтому прибыль и прибавочная стоимость тожественны. Кромѣ нормы прибыли, прибавочная стоимость измѣряется, какъ извѣстно отношеніемъ къ перемѣнному капиталу, или нормой прибавочной стоимости, затѣмъ годовой нормой прибавочной стоимости [1]). (Послѣднее понятіе совершенно не находитъ себѣ мѣста въ концепціи Зомбарта, потому что съ точки зрѣнія общественнаго рабочаго времени данное количество общественнаго труда останется всегда одно и тоже; между тѣмъ для годовой нормы прибавочной стоимости имѣетъ большое значеніе, произведено ли это количество съ затратой перемѣннаго капитала, обернувшагося 10 разъ въ годъ, или же капитала, въ 10 разъ бо́льшаго, но обернувшагося разъ въ годъ. Какъ это походитъ на эмпирическое Kalkülationsverhaltniss!). Наконецъ, Марксъ устанавливаетъ тенденцію этихъ нормъ прибавочной стоимости къ равенству, и обусловливаетъ эту тенденцію конкуренціей среди рабочаго класса. Послѣднимъ обстоятельствомъ прибавочная стоимость совсѣмъ срывается съ заоблачной метафизической высоты, куда помѣстилъ ее Зомбартъ.

Словомъ, ничто не даетъ права считать ее какой-то метафизической сущностью, отличной отъ прибыли. И Зомбартъ приходитъ самъ въ сомнѣніе относительно правильности своего пониманія. Какъ помнитъ читатель, сомнѣніе это возбуждается въ немъ по поводу выравниванія различныхъ нормъ прибыли въ среднюю посредствомъ конкуренціи. Онъ остается въ нерѣшительности, считаетъ-ли Марксъ это выравниваніе реальнымъ фактомъ, или же логической операціей. Съ нашей точки зрѣнія это выравниваніе различныхъ нормъ прибыли въ среднюю, конечно, не можетъ иначе пониматься, какъ реальный, эмпирическій фактъ.

---

[1]) Годовая норма прибавочной стоимости получается чрезъ умноженіе нормы прибавочной стоимости на годовое число оборотовъ перемѣннаго капитала. Если напр. при нормѣ прибавочной стоимости равной 100% перемѣнный капиталъ обернулся десять разъ въ годъ, то годовая норма=100%×10=1000%.

Въ такомъ пониманіи — говоритъ Зомбартъ — эта гипотеза невѣрна и теоретически, и исторически. Теоретически — потому, что она была бы рѣшительнымъ отпаденіемъ отъ точки зрѣнія всего *Капитала*; въ ней смѣшивается общественный фактъ — прибавочная стоимость, съ индивидуальнымъ—издержками производства (намъ не нужно останавливаться на оцѣнкѣ этого мнѣнія, ибо это значило бы повторять всю предъидущую аргументацію). Невѣрна эта гипотеза и исторически, ибо на самомъ дѣлѣ развитіе капитализма происходило иначе, чѣмъ предполагаетъ гипотеза: капиталъ не устремлялся предпочтительно въ сферы приложенія съ низшимъ органическимъ составомъ, наоборотъ, высшая прибыль получалась капиталами съ высшимъ органическимъ составомъ. Мы не придаемъ большого значенія этому аргументу: во-первыхъ, потому, что трудно, если не невозможно, возстановить во всей требуемой точности историческій ходъ вещей (не была ли, напримѣръ, высшая прибыль капиталовъ высшаго органическаго состава результатомъ монополіи, благопріятныхъ рыночныхъ конъюнктуръ и т. п.); во-вторыхъ, еслибы это даже и удалось, онъ все равно остался бы непонятенъ безъ соотвѣтствующаго теоретическаго объясненія. Поэтому большій интересъ представляетъ слѣдующее сужденіе Зомбарта: „во всякое время, раньше какъ и теперь, капиталы переходятъ изъ одной сферы приложенія въ другую; это обстоятельство имѣетъ свою причину въ неравенствѣ нормы прибыли ихъ. Но это неравенство совсѣмъ не касается органическаго состава капитала, а какихъ либо другихъ условій конкуренціи. Наиболѣе цвѣтущія теперь отрасли производства суть такія, которыя имѣютъ высшій составъ капитала, какъ, напримѣръ, горное дѣло, химическое производство, пивовареніе и под.“ Въ приведенныхъ словахъ заключается, по нашему мнѣнію, глубоко вѣрная мысль, хотя и въ недостаточно развитомъ видѣ. Мы позволимъ себѣ отклониться отъ непосредственной своей задачи, чтобы нѣсколько развить эту мысль.

Въ разсматриваемой теоріи Маркса конкуренціи приписана черезчуръ большая, непонятная, или, по крайней мѣрѣ, необъясненная въ III томѣ, творческая роль. Что преслѣдуется конкуренціей? *Равенство* прибыли: идеалъ ея въ этомъ отношеніи крайне эгалитарный. Но объ условіяхъ этого равенства здѣсь нѣтъ и рѣчи. Берется. такъ сказать, горизонтальный уровень рѣки, причемъ не обращается вниманія на тѣ причины, которыя обусловливаютъ эту горизонтальность. Съ другой стороны, конкуренція есть сумма сознательныхъ актовъ отдѣльныхъ ка-

питалистовъ, сознательно преслѣдующихъ свои выгоды и видящихъ въ различныхъ фактахъ положительныя и отрицательныя условія этихъ выгодъ.

Есть ли среди этихъ фактовъ органическій составъ капитала? Руководился ли этимъ въ своихъ разсчетахъ хоть одинъ капиталистъ? Имѣлъ ли онъ основанія связывать различную прибыль съ различнымъ составомъ капитала? Ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительной жизни, какъ это справедливо указываетъ Зомбартъ. Понятіе объ органическомъ составѣ капитала абсолютно отсутствуетъ въ мозгу капиталиста. Онъ производитъ прибыль изъ обмѣна, видитъ въ ней награду за воздержаніе, за свои услуги отечеству, за предпринимательскую ловкость, но никоимъ образомъ не относитъ ее на счетъ перемѣннаго капитала. Поэтому, получая прибыль ниже обычной, онъ переноситъ свой капиталъ въ иную сферу производства, вовсе не руководясь соображеніями объ органическомъ составѣ капитала, а просто надѣясь почему бы то ни было получить тамъ среднюю прибыль. Поэтому, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы распредѣленіе общественной прибавочной стоимости и образованіе средней нормы прибыли являлось результатомъ сознательныхъ стремленій капиталистовъ. Этого предположенія, конечно, нѣтъ и въ *Капиталѣ*. Остается думать, что конкуренція приводитъ къ тому же результату косвеннымъ путемъ: преслѣдуя свои цѣли, капиталисты достигаютъ распредѣленія прибавочной стоимости sans le savoir et vouloir. Повидимому, такое предположеніе и сдѣлано въ III томѣ. Но тогда гдѣ же эта причинная зависимость между явленіями конкуренціи и распредѣленіемъ прибавочной стоимости? Конкуренція достигаетъ, повторяемъ, *равнаго* уровня, но самый этотъ уровень, его высота—не дѣло конкуренціи. Такимъ образомъ, распредѣленіе прибавочной стоимости по средней нормѣ прибыли есть лишь теоретическій постулатъ, необходимый для торжества извѣстной теоріи; вмѣсто того, чтобы объяснять факты, онъ требуетъ, чтобы факты располагались въ извѣстномъ порядкѣ. Поэтому, въ *теперешнемъ* (я усиленно подчеркиваю это слово) изложеніи III тома разсматриваемая гипотеза представляетъ несомнѣнное petitio principii.

Специфическая трудность доказательства гипотезы лежитъ въ томъ, что средняя норма прибыли получается посредствомъ дѣленія совокупной прибавочной стоимости на совокупный капиталъ страны, и цѣна совпадаетъ съ цѣнностью только для капиталовъ *средняго* органическаго состава. Совершенно непонятно, какъ установляются цѣны на такомъ идеальномъ уровнѣ.

Можно еще объяснить изъ конкуренціи уровень прибыли въ томъ случаѣ, если взять отправной точкой капиталы не средняго, а низшаго органическаго состава, т.-е. капиталы съ наибольшимъ преобладаніемъ перемѣнной части. Можно вообразить дѣло такъ. Сначала, положимъ, существуютъ капиталы одного и того же органическаго состава; товары продаются по трудовой цѣнности. Затѣмъ выдѣляется группа капиталовъ высшаго органическаго состава (т.-е. капиталовъ, въ составѣ которыхъ постоянная часть преобладаетъ надъ перемѣнной), требующая также равной прибыли: капиталы перестали бы переходить въ соотвѣтствующія сферы производства, еслибы не получали средней прибыли. Чтобы ея добиться, капиталисты соотвѣтствующимъ образомъ разцѣниваютъ свои продукты такъ, что цѣна ихъ поднимается выше цѣнности. Такимъ образомъ, присутствіе постояннаго капитала въ большей, нежели въ другихъ сферахъ приложенія капитала, пропорціи какъ бы превращаетъ простой трудъ въ квалифицированный, т.-е. трудъ въ равные промежутки времени создающій бо́льшія цѣнности, нежели простой трудъ. Становится еще выше органическій составъ капитала, цѣны становятся еще выше по сравненію съ цѣнностями и т. д. Но въ основѣ всего этого гипотетическаго построенія лежитъ предположеніе, что цѣны соотвѣтствуютъ цѣнностямъ лишь для капиталовъ низшаго органическаго состава При такомъ предположеніи, конкуренція можетъ объяснить установленіе средней нормы прибыли [1]). Такъ понимаемъ мы теорію Рикардо [2]). Очевидно, что эта теорія построена на двухъ предположеніяхъ: 1) средняя норма прибыли опредѣляется нормой прибыли капиталовъ самаго низшаго органическаго состава; 2) сумма цѣнъ всѣхъ товаровъ выше суммы цѣнностей ихъ. Въ этомъ смыслѣ она противоположна теоріи Маркса (и Родбертуса), по которой средняя норма прибыли равняется прибыли капиталовъ средняго органическаго состава, а сумма цѣнъ равняется суммѣ цѣнностей. Очевидно, оба эти вопроса координированы между собой такимъ образомъ, что отъ рѣшенія одного зависитъ рѣшеніе другого: если будетъ доказано, что средняя норма прибыли равна нормѣ ея капиталовъ средняго или низшаго состава, тѣмъ самымъ будетъ доказано, что цѣны равны, или неравны цѣнностямъ. Въ настоящее время нельзя считать доказанными обѣ гипотезы, хотя гипотеза Ри-

[1]) Тѣ же разсужденія примѣнимы и къ вопросу о вліяніи различнаго оборота капитала.

[2]) Ср цитированную нашу статью, стр. 9—13.

кардо, повидимому, болѣе удобно объясняется изъ конкуренціи, нежели гипотеза Маркса.

Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о доказанности, остановимся еще на такомъ соображеніи: насколько необходимо для доказательства справедливости трудовой теоріи цѣнности, совпадаетъ, или не совпадаетъ сумма цѣнъ съ суммой цѣнностей? Мы думаемъ, что это обстоятельство для трудовой теоріи совершенно безразлично. Если только мы правильно понимаемъ, что такое цѣнность у Маркса (а относительно этого мы имѣемъ его собственное, цитированное выше и не допускающее сомнѣній, опредѣленіе), то вѣдь цѣнность есть мѣновая пропорція, правило обмѣна. Всякая иная цѣнность (valeur intrinsèque) есть contradictio in adiecto. Если же цѣнность опредѣляетъ мѣновыя пропорціи, относительно ея и можетъ быть предложенъ только одинъ вопросъ: соотвѣтствуютъ-ли мѣновыя пропорціи трудовой цѣнности или нѣтъ? А что касается возможнаго совпаденія или несовпаденія суммы цѣнъ съ суммой цѣнностей, то этотъ фактъ можетъ одинаково мало говорить и за и противъ трудовой теоріи, потому что является по существу дѣла постороннимъ относительно мѣновой цѣнности въ истолкованномъ выше смыслѣ [1]).

Есть, впрочемъ, одинъ случай, при которомъ совпаденіе цѣнъ съ цѣнностями можетъ имѣть значеніе: это тотъ случай, когда капиталы различныхъ органическихъ составовъ мѣняются своими продуктами въ такой пропорціи, что каждый капиталистъ получаетъ прибавочной стоимости не въ денежной формѣ, а in natura столько, сколько приходится ему по средней нормѣ прибыли. Тогда это совпаденіе имѣло бы реальный смыслъ [2]), но это совершенно невѣроятный случай, не входящій притомъ въ предѣлы разсматриваемой гипотезы.

Какъ бы то ни было, но нужно согласиться съ нѣкоторыми замѣчаніями Зомбарта по поводу установленія средней нормы прибыли и признать соотвѣтствующую теорію Маркса недоказанной. Но въ этомъ только съ Зомбартомъ и можно согласиться, все же его пониманіе прибавочной стоимости мы признаемъ ошибочнымъ. Намъ опять придется повторить здѣсь то, что мы говорили по поводу его пониманія цѣнности: будетъ логичнѣе признать несогласованность или незаконченность въ теоріи, нежели подвергать ее толкованіямъ, не соотвѣтствующимъ равно и ея буквѣ, и ея духу.

---

[1]) Ср. l. c. p. 12, гдѣ та же мысль мотивирована нѣсколько иначе

[2]) Ср. тамъ же.

Вся разсмотрѣнная до сихъ поръ аргументація Зомбарта была направлена къ доказательству отсутствія эмпирической связи между издержками производства и цѣнностью, между прибавочной стоимостью и прибылью. Не удивительно ли, когда Зомбартъ, произведя надъ теоріей Маркса такую убійственную операцію, въ концѣ концовъ заявляетъ, что между издержками производства и цѣнностью, прибавочной стоимостью и прибылью, хотя и не существуетъ формальной связи, но существуетъ матеріальная: именно, цѣны въ послѣдней инстанціи регулируются цѣнностями, совокупная прибыль равна совокупной прибавочной стоимости. Читатель въ правѣ удивляться, откуда же взялась эта мистическая связь. Зомбартъ отвѣчаетъ, что опредѣлять эту связь—значитъ излагать *Капиталъ*. Но вѣдь это-то и нужно показать, какимъ образомъ положительное содержаніе *Капитала* можетъ быть понято съ точки зрѣнія тѣхъ толкованій, которыя даетъ Зомбартъ. Я не знаю, недостаточность ли моего пониманія, или неясность изложенія Зомбарта является здѣсь причиной, но связь эта представляетъ въ моихъ глазахъ petitio principii. Нужна еще особая теорія для приведенія теоріи Зомбарта въ связь съ ученіемъ, которое онъ задался цѣлью истолковать

Но въ тоже время, всматриваясь ближе въ толкованія Зомбарта, мы невольно замѣчаемъ близость ихъ къ ученію не того экономиста, котораго онъ поставилъ себѣ задачей разъяснить, а другого: мы разумѣемъ Родбертуса. Многія черты ученія Зомбарта удивительно какъ подходятъ къ доктринѣ нѣмецкаго мыслителя, даже болѣе, вполнѣ покрываются ей.

Мы не имѣемъ здѣсь возможности сдѣлать сопоставленіе обоихъ ученій съ требуемой подробностью; ограничимся сближеніемъ основныхъ воззрѣній. По Зомбарту, цѣнность въ матеріальномъ смыслѣ есть экономическое выраженіе техническаго факта—производительности труда; для пониманія цѣнности нужно стать на точку зрѣнія хозяйствующаго общества, откуда слѣдуетъ, что цѣнность формально не имѣетъ ничего общаго съ издержками труда на производство отдѣльнаго товара. Такова именно точка зрѣнія и Родбертуса. Послѣдній заявляетъ, что только съ общественной точки зрѣнія, т.-е. если разсматривать общество какъ бы состоящимъ изъ одного землевладѣльца, одного капиталиста и одного работника, можно понять явленія хозяйственной жизни. Основной принципъ, который выставляетъ Родбертусъ: „alle wirthschaftliche Guter Arbeitsproduct sind“, имѣетъ у него именно такое значеніе, какое имѣетъ цѣнность у Зомбарта. Принципъ справедливъ только для всего общества; отдѣльные же продукты

обмѣниваются не по трудовой цѣнности. Родбертусъ ставитъ это только идеаломъ на далекое будущее. Для Родбертуса цѣнность есть непосредственно общественный фактъ,—все рабочее время, которымъ располагаетъ данное общество; для Маркса это прежде всего количество труда, заключенное въ отдѣльномъ товарѣ и пропорція, въ которой товары вымѣниваются между собой. Точка зрѣнія Родбертуса значительно отличается въ этомъ смыслѣ отъ точки зрѣнія Маркса и методологически и практически. Одинъ беретъ исходнымъ пунктомъ анализа отдѣльный товаръ и отсюда развиваетъ сѣть капиталистическихъ отношеній; другой беретъ уже готовой эту сѣть отношеній, и понятіе товара играетъ при этомъ второстепенную, подчиненную роль [1]). „Капиталистическое производство характеризуется только тѣми размѣрами, въ которыхъ продуктъ производится, какъ предметъ торговли, какъ товаръ, поэтому также тѣми размѣрами, въ которыхъ элементы, производящіе товаръ, должны опять войти. какъ предметъ торговли, какъ товаръ, въ то хозяйство, изъ котораго вышли“ [2]). Взявъ товаръ исходнымъ пунктомъ анализа, Марксъ строитъ формулу капитала Д—Т—Д′, какъ извѣстное эквивалентное отношеніе, обмѣнъ товаровъ равной цѣнности. При анализѣ этой формулы изслѣдователь наталкивается на особый товаръ, обладающій нѣкоторыми специфическими свойствами, именно на товаръ — рабочую силу. Такимъ образомъ, Марксъ открываетъ основное условіе существованія капитала и капиталистическаго производства, именно существованіе рабочей силы, какъ товара. Этотъ признакъ и становится важнѣйшимъ объективнымъ признакомъ капиталистическаго производства въ отличіе отъ другихъ сходственныхъ эпохъ. Изъ этой исторической посылки,—существованія рабочей силы, какъ товара, развивается путемъ послѣдовательныхъ логическихъ выводовъ вся теоретическая система *Капитала* [3]). Родбертусъ видитъ всю особенность капиталистическаго производства въ томъ.

---

[1]) Ср. объ этомъ l. c, p. 10 — 11.

[2]) Капит., т. II, стр. 72.

[3]) „Въ дѣйствительности капиталистическое производство есть товарное производство, какъ общая форма производства; и оно является таковымъ и становится все болѣе и болѣе таковымъ въ своемъ развитіи только потому, что самъ трудъ является здѣсь товаромъ, потому что рабочій продаетъ свой трудъ, т.-е. функцію своей рабочей силы и именно, какъ мы ее принимаемъ, по ея стоимости, опредѣляемой расходами на ея воспроизводство... Въ отношеніи между капиталистомъ и наемнымъ рабочимъ выражается денежное отношеніе отношеніе покупателя къ продавцу, отношеніе присущее самому производству“. (Кап., т. II стр 72).

что продуктъ труда, раньше всецѣло принадлежавшій собственнику земли и орудій производства, теперь распредѣляется между работникомъ, капиталистомъ и землевладѣльцемъ. Онъ совсѣмъ пропускаетъ фактъ существованія рабочей силы, какъ товара, въ качествѣ основной посылки капиталистическаго строя. Мало того, по его мнѣнію, трудовая теорія теперь не является фактомъ именно потому, что рабочій не получаетъ полной стоимости создаваемаго имъ продукта. На этомъ построена его утопія нормальнаго рабочаго дня. Онъ просматриваетъ, что при капиталистическомъ строѣ предполагается оплата рабочей силы по полной ея стоимости.

Еще большее подтвержденіе находятъ наши слова о сближеніи ученій Зомбарта и Родбертуса въ ученіи о прибавочной стоимости, или рентѣ вообще, по терминологіи Родбертуса. Зомбартъ говоритъ, что прибавочная стоимость есть та часть продукта общественнаго труда, которая осваивается капиталомъ. Родбертусъ выставляетъ два условія существованія ренты вообще: наличность извѣстной производительности труда, создающей извѣстный излишекъ сверхъ средствъ существованія рабочаго класса, и наличность института частной собственности на орудія производства, благодаря которому этотъ излишекъ попадаетъ въ руки третьихъ лицъ—капиталистовъ. Оба признака, характеризующіе прибавочную стоимость, такимъ образомъ у Родбертуса и Зомбарта вполнѣ совпадаютъ. Но совпаденіе идетъ и далѣе. Подобно тому, какъ Зомбартъ разсматриваетъ прибавочную стоимость, какъ общественный фактъ, не имѣющій связи съ индивидуальной прибылью, такой же точно характеръ имѣетъ рента вообще у Родбертуса. Только совокупная прибыль равна рентѣ на капиталъ; индивидуальная же опредѣляется не трудовой стоимостью: здѣсь играютъ роль издержки производства, на которыя присчитывается средняя прибыль. Поэтому для Родбертуса является очевиднымъ логическимъ выводомъ изъ его теоріи: индивидуальная прибыль не опредѣляется индивидуальной рентой, какъ индивидуальная цѣнность товара не опредѣляется трудомъ; послѣднее вѣрно только для всего общества. И нѣтъ сомнѣнія, что, еслибы въ сочиненіяхъ Родбертуса была создана гипотеза, которую создаетъ Марксъ, и которую мы разсматривали выше, она не могла бы пониматься въ иномъ смыслѣ, какъ мыслительная операція, вполнѣ согласно съ толкованіемъ Зомбарта, тогда какъ такое пониманіе ея у Маркса явилось бы равносильнымъ рѣшительному отпаденію отъ первоначальной его точки

зрѣнія [1]). Вотъ почему, между прочимъ, съ точки зрѣнія Родбертуса, и не существовало вопроса о равенствѣ прибыли, какъ правильно замѣтилъ Зомбартъ, къ сожалѣнію, лишь не по тому адресу. Такимъ образомъ, и цѣнность, и прибавочная стоимость у Родбертуса и Зомбарта понимается совершенно одинаково. Тѣ же возраженія, которыя мы дѣлали Зомбарту, приложимы, поэтому, и къ Родбертусу. Недостатокъ точки зрѣнія Родбертуса заключается въ томъ, что онъ беретъ въ основу своихъ выводовъ хозяйствующее общество, между тѣмъ какъ при капиталистической организаціи производства есть лишь хозяйствующій капиталъ и совсѣмъ нѣтъ тѣхъ непосредственно-общественныхъ отношеній, которыя предполагаетъ эта теорія. Поэтому, всѣ опредѣленія должны быть сдѣланы съ точки зрѣнія капитала; послѣдній же есть сумма, полученная изъ умственнаго сложенія отдѣльныхъ капиталовъ. Потому при изслѣдованіи *общественныхъ* отношеній поневолѣ приходится становиться на *частную* точку зрѣнія отдѣльнаго класса, даже отдѣльныхъ его представителей; это сдѣлалъ Марксъ въ I-мъ томѣ своего труда. Въ этой особенности проявляется общій недостатокъ теоріи Родбертуса—ея неисторичность; тотъ же недостатокъ проявляется и въ томъ значеніи, которое придается въ ученіи Родбертуса моменту распредѣленія, вліянію голыхъ юридическихъ нормъ. Болѣе глубокое историческое воззрѣніе видитъ корни системы распредѣленія въ способѣ производства, отыскивая, такимъ, образомъ, ихъ не въ волѣ законодателя, какъ въ чемъ-то случайномъ и постороннемъ процессу производства, а въ самомъ этомъ процессѣ, въ естественномъ ходѣ вещей.

Но не будучи безупречна со стороны исторической, съ логической стороны теорія Родбертуса свободна отъ тѣхъ упрековъ въ непослѣдовательности, которые могутъ быть предъявлены системѣ Маркса. Это, конечно, не можетъ заставить пожертвовать исторической правдой ради стройности теоріи: лучше допутить рядъ ограниченій мѣнового закона, нежели придавать понятію цѣнности такія толкованія, при которыхъ она не соотвѣтствуетъ фактамъ исторіи. Какъ бы то ни было, но Зомбарта постигло курьезное qui pro quo: начавъ толковать систему Маркса, онъ истолковалъ—и истолковалъ блестяще—систему Родбертуса.

Намъ пришлось остановиться только на слабыхъ, по нашему мнѣнію, сторонахъ критики Зомбарта, вскользь упоминая лишь

[1]) Это не мѣшаетъ однако отмѣченному нами раньше *формальному* совпаденію выводовъ Родбертуса и Маркса по вопросу о соотношеніи совокупной прибыли и совокупной прибавочной стоимости.

ея сильныя стороны (со всѣми замѣчаніями Зомбарта, кромѣ разобранныхъ, мы выражаемъ полную солидарноеть). Впрочемъ, можно соглашаться или не соглашаться съ положеніями Зомбарта, но слѣдуетъ признать, что работы подобнаго рода (особенно среди полнаго почти пренебреженія къ трудовой теоріи цѣнности среди представителей нѣмецкой оффиціальной науки) составляютъ весьма свѣтлое явленіе, содѣйствуя выясненію самыхъ основныхъ вопросовъ экономической теоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ научная критика, образцомъ которой можетъ служить работа Зомбарта, является лучшимъ знакомъ уваженія къ автору, желавшему себѣ такого читателя, который „хочетъ научиться изъ его книги, слѣдовательно, захочетъ и самъ подумать“.

С. Булгаковъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

